ВОСПОМИНАНІЯ Н. А. ТИТОВА.

Отъ редакціи. Имя Николая Алексѣевича Титова пользовалось въ свое время громкой и вполнѣ заслуженной извѣстностью. М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій совершенно справедливо называли Н. А. «дѣдушкой русскаго романса», такъ какъ, дѣйствительно, онъ первый положилъ начало русскому роману изданіемъ въ 1820 г. своей «Уединенной сосны». Теперь, разумѣется, никто не знаетъ своеобразныхъ и полныхъ сердечной теплоты произведеній Титова: «Тайная скорбь», «Коварный другъ», «Ахъ, повѣдайте люди добрые», «Замолкни сердце» и др., но тогда они раскупались на расхватъ, пѣлись всюду, и даже были переведены на нѣмецкій языкъ и изданы за границей, а подъ звуки его прелестной французской кадрили a-moll «Vieux Pèchés» (1824 г.) много лѣтъ съ увлеченіемъ танцовало все тогдашнее лучшее общество. Н. А. Титовымъ, кромѣ множества разныхъ музыкальныхъ пьесъ, написано болѣе 60 романсовъ, которые до сихъ поръ, не смотря на устарѣлость аккомпанимента и музыкальныхъ пріемовъ, поражаютъ простотою и задушевностью мелодіи и отсутствіемъ всякихъ ложныхъ эффектовъ.

Н. А. Титовъ родился въ 1800 г. и семнадцати лѣтъ поступилъ на службу сперва въ Преображенскій, а потомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, въ которомъ и оставался до 1830 г. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку, служилъ короткое время въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, а въ 1833 г. снова опредѣлился въ военную службу, въ л.-гв. Уланскій великаго князя Михаила Павловича полкъ, но вскорѣ, вслѣдствіе болѣзни, долженъ былъ оставить фронтъ и перешелъ въ Коммиссаріатскій Департаментъ Военнаго Министерства, гдѣ послѣдовательно занималъ должности: смотрителя казенной фабрики офицерскихъ вещей, директора казенной же лосинной фабрики, и наконецъ члена общаго присутствія. Въ 1867 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта и скончался въ Петербургѣ 10 декабря 1875 г. на 76 году отъ рожденія. Н. А. былъ женатъ на извѣстной въ свое время московской красавицѣ Софьѣ Алексѣевнѣ Смирновой.

Н. А. Титовъ оставилъ ко себѣ самую свѣтлую память во всѣхъ, кто имѣлъ случай знать его близко. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честный, добрый, чуткій и отзывчивый ко всему хорошему, сохранившій до глубокой старости свѣжесть души и теплоту сердца. Н. А. пережилъ свою славу и умеръ въ неизвѣстности. Мы считаемъ долгомъ напомнить о немъ на страницахъ «Древней и Новой Россіи», потому что, по нашему убѣжденію, онъ имѣетъ на этополное право.

При разборѣ бумагъ Н. А. нашлись его «Воспоминанія», доведенныя имъ, впрочемъ, лишь до 1835 года. «Воспоминанія» эти писаны, или, вѣрнѣе, набросаны, безъ всякой послѣдовательности и обработки, на отдѣльныхъ листахъ бумаги и носятъ исключительно семейный характеръ. Благодаря сыну Н. А. Николаю Николаевичу Титову, приведшему въ нѣкоторый порядокъ рукописи своего отца и предоставившему ихъ въ наше распоряженіе, мы имѣемъ возможность выбрать и напечатать изъ «Воспоминаній» Н. А. нѣсколько отрывковъ, не лишенныхъ общаго интереса.

Я родился 28-го апрѣля 1800 года, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ дѣда моего по матери Алексѣя Ѳеодоровича Турчанинова, на углу 6-й линіи и набережной.

Блаженной памяти государь императоръ Александръ I-й, будучи еще великимъ княземъ, зная лично родителей моихъ, осчастливилъ меня воспріятіемъ отъ купели самъ.

Крестною же матерью моею была родная тетка моя, по матери, Наталья Алексѣевна Колтовская.

Крестины происходили въ малой церкви Зимняго дворца. На другой день адъютантъ цесаревича, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, привезъ отъ великаго князя Александра Павловича богатый брилліантовый перстень моей матери въ подарокъ.

Мать моя была уроженка Пермской губерніи города Екатеринбурга, въ уѣздѣ коего покойный отецъ ея А. Ѳ. Турчаниновъ имѣлъ золотые промыслы и мѣдные рудники—Сысерскій заводъ.

Богатство дѣда моего было огромнѣйшее. Доказательствомъ тому можетъ служить прида-

ное, которое получила каждая изъ его пяти дочерей, а именно: по 1,000 душъ крестьянъ, 17 пудовъ дѣланнаго серебра, 20 фунтовъ золота, брилліантовъ и жемчугу *) на значительную сумму, равно и образовъ въ окладахъ, украшенныхъ дорогими каменьями и жемчугами; наконецъ сундуки, набитые различнымъ бѣльемъ и одеждою. По смерти дѣда моего, образа, бѣлье и одежду его, дѣлили сундуками. Одежда эта состояла изъ кафтановъ и короткихъ штановъ, которые носились съ шелковыми чулками и башмаками съ пряжками; платья были бархатныя, шелковыя изъ gros de tours, или атласныя цвѣтныя, шитыя цвѣтными шелками. Пряжки къ башмакамъ и пуговицы на нѣкоторыхъ платьяхъ были сдѣланы изъ крупныхъ стразъ.

Мать моя разсказывала, что отецъ ея былъ очень строгъ и наказывалъ дѣтей своихъ плетьми. Онъ былъ весьма уменъ и извѣстенъ лично Екатеринѣ II, которая приглашала его на совѣщанія по коммерческимъ дѣламъ. Скончался онъ въ С.-Петербургѣ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ на старомъ кладбищѣ. Монументъ, воздвигнутый надъ его прахомъ, чуть ли не одинъ изъ лучшихъ, особенно для тогдашняго времени.

Отецъ мой, Алексѣй Николаевичъ, былъ отличный музыкантъ и композиторъ **); много оперъ его игрались въ свое время на сценѣ русскаго театра а также и въ Парижѣ. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Ямъ», «Дѣвишникъ», «Посидѣлки», «Легковѣрные», «Татьяна прекрасная», «Нурзыхадъ», «Кириловцы». Самъ онъ игралъ превосходно на скрипкѣ, а дядя, Сергѣй Николаевичъ, на альтѣ и на віолончели. Жена дяди, Елизавета Ивановна, урожденная Домашнева, была женщина-писательница. Отецъ мой былъ рѣдкой доброты, мастеръ жить и угощать; образованный, умный, онъ въ обществѣ былъ всегда веселъ и чрезвычайно любезенъ, имѣлъ даръ краснорѣчія и даже писалъ проповѣди. Мать моя была женщина добрѣйшая, готовая жертвовать послѣднимъ — только бы оказать услугу; вспыльчивая, правилъ строгихъ, а потому воспитывала насъ очень строго, не спускала намъ ни малѣйшей шалости. У насъ въ домѣ часто устраивались музыкальные вечера. Въ числѣ хорошихъ знакомыхъ родителей моихъ были два брата Дубенскихъ, Дмитрій и Александръ Михайловичи; братья Павелъ, Александръ и Андрей Андреевичи Карнѣевы; знаменитые скрипачъ Лафонъ и віолончелистъ Ромбергъ и многіе изъ артистовъ того времени. Эти господа бывало собирались у насъ по вечерамъ и тогда составлялся квартетъ. Дмитрій Михайловичъ Дубенскій былъ по смерти знаменитаго Бортнянскаго директоромъ придворной пѣвческой капеллы, а Александръ Михайловичъ имѣлъ свой хоръ отличныхъ пѣвчихъ, которые пѣли въ Маріинской больницѣ на Литейной и туда всегда съѣзжалось множество публики. Между пѣвчими былъ знаменитый сопрано Фрицъ. Дивно пѣлъ онъ «вѣрую» Березовскаго, писанную для сопрано. Впослѣдствіи Фрицъ этотъ женился на вдовѣ, графинѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Сухтеленъ, рожденной графини Зубовой, женѣ графа Павла Петровича Сухтелена, генералъ-адъютанта.

Въ домѣ у насъ бывалъ очень часто знаменитый композиторъ и музыкантъ Штейбельтъ, авторъ оперы «Ромео и Юлія», въ коей отличались Нимфодора Семеновна Семенова и Василій Михайловичъ Самойловъ, первая въ роли Юліи, а второй въ роли Ромео. Нимфодора Семеновна была красавица; я видѣлъ ее уже въ преклонныхъ лѣтахъ, т. е. слишкомъ за шестьдесятъ, но она была все еще чрезвычайно какъ хороша и, глядя на нее, никто бы не далъ ей болѣе сорока лѣтъ, такъ она умѣла сохраниться.

Самойловъ имѣлъ отличный теноръ и былъ знаменитъ какъ пѣвецъ и актеръ. Замѣчательно было въ этомъ человѣкѣ то, что онъ не зналъ музыки и выучивалъ все по слуху.

Въ числѣ знаменитостей русской оперы была еще пѣвица Елизавета Семеновна Сандунова; я началъ ее помнить уже пожилою женщиною; она прихрамывала, ибо была коротконогая.

*) Большая часть брилліантовъ и бурмитскихъ зеренъ была продана въ 1812 году ювелиру Ѳ. И. Мерцу. Это былъ человѣкъ примѣрной честности. Онъ въ то слѣдственное время далъ матери моей 10 т. рублей ассигнаціи.

**) Скончался въ 1827 году, 8-го ноября.

Когда пѣла она арію Кашина: «Милый мой, сердечный другъ», театръ стоналъ отъ рукоплесканій.

Въ Отечественную войну 1812 года мнѣ было 12-ть лѣтъ, и я находился въ театрѣ въ тотъ день, когда играли русскую піесу, pièce de circonstance, подъ названіемъ «Всеобщее ополченіе». Въ этой піесѣ появился на сцену знаменитый ветеранъ русскаго театра, давно уже отдыхавшій на лаврахъ, восьмидесятилѣтній старецъ, Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, въ роли стараго воина; когда онъ, выйдя на сцену, началъ свой монологъ: «Катись, катись красное солнышко и освѣщай святую Русь!», восторгъ, произведенный появленіемъ его на сценѣ, описать не возможно. Долго не могъ онъ вымолвить слова отъ неумолкаемыхъ рукоплесканій. Старикъ отъ восторга плакалъ.

Въ домѣ нашемъ по воскресеньямъ часто бывали актеры и актрисы. Помню знаменитыхъ танцовщицъ Настасью Николаевну Новицкую, Марью Николаевну Иконину, Евгенію Ивановну Колосову, которая вмѣстѣ съ танцоромъ Огюстомъ отличалась въ русской пляскѣ. Танцоръ Огюстъ никогда не могъ видѣть разрѣзаннаго арбуза,—ему дѣлалось дурно. Разрѣзанный арбузъ напоминалъ ему гильотину во время французской революціи. Не забуду и знаменитаго трагика Алексѣя Семеновича Яковлева, который сильно любилъ выпить.

Въ числѣ близкихъ знакомыхъ родителей моихъ были Александръ Ѳеодоровичъ и Анна Евдокимовна Лабзины; они жили въ Академіи Художествъ, въ нижнемъ этажѣ, въ квартирѣ, нынѣ занимаемой вице-президентомъ Академіи. Александръ Ѳеодоровичъ былъ человѣкъ умный, серьезный и, сколько помнится, большой спорщикъ. Онъ былъ удаленъ отъ службы въ царствованіе императора Александра I-го за сказанное имъ острое слово: разсуждали о какомъ-то дѣлѣ и кто-то сказалъ, что о дѣлѣ этомъ можетъ доложить царю только близкій ему человѣкъ. «Чего же ближе Ильюшки *), сказалъ Лабзинъ,—онъ даже садится къ нему спиною».—А. Ѳ. Лабзинъ былъ литераторъ, много писалъ и перевелъ комедію Бомарше: «Женитьба Фигаро», которая съ успѣхомъ была играна на вольномъ Петровскомъ театрѣ, въ Москвѣ, 15-го января 1787 года . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Отецъ мой, вспоминая часто о царствованіи императора Павла, разсказывалъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Онъ служилъ въ конной гвардіи и былъ полковымъ секретаремъ, что нынѣ полковой адъютантъ *). По случаю пріѣзда въ Петербургъ какого-то иностраннаго принца императоръ Павелъ назначилъ л.-гв. конному полку ученье на Марсовомъ полѣ, что теперь Царицынъ лугъ. Императоръ послѣ нѣсколькихъ построеній вытянулъ полкъ въ одну линію лицомъ къ Лѣтнему саду, всталъ передъ серединою полка, поднялъ палашъ и скомандовалъ: «Укоротя поводья, съ мѣста маршъ-маршъ», понесся впередъ и, подскакавъ къ Лѣтнему саду, скомандовалъ: «Стой-равняйсь»; обернулся лицомъ ко фронту и увидѣлъ, что полкъ не трогался съ мѣста. Недоразумѣніе это произошло оттого, что въ этотъ день былъ сильный вѣтеръ и команды не было слышно. Императоръ подъѣхалъ къ полку и скомандовалъ: «По три на-право—въ Сибирь—маршъ», а самъ уѣхалъ во дворецъ. И полкъ съ мѣста отправился по назначенію; но съ третьяго перехода однако былъ возвращенъ.

. . . . . .

До 8-ми лѣтъ я обучался дома, послѣ того былъ отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ Петромъ, старшимъ меня на полтора года.

Въ то время кадетскіе корпуса не были въ томъ блестящемъ состояніи, въ коемъ находятся они нынѣ. Дворянъ принимали съ самыми ограниченными познаніями, а въ Дворянскій полкъ или въ волонтеры, какъ называли кадетъ этого полка, поступали часто люди въ лѣтахъ, чуть не отцы семейства. Грамоту знали плохо—а вотъ и примѣръ: на экзаменѣ учитель обратился къ одному зрѣлому юношѣ и

*) Кучеръ императора Илья Ивановъ Байковъ.

*) Впослѣдствіи былъ генералъ-маіоромъ и вышелъ въ этомъ чинѣ въ отставку.

предложилъ ему сложить слово когда. Онъ и началъ: како-онъ-ко, глаголь-добро-азъ-гда, однако. Другому предложилъ сложить слово квартира.—Како-веди-азъ-рцы-твердо-есть-рцы-азъ-ра: фатера.

Въ 1810 году, ноября 17-го дня, скончался старшій братъ мой Ѳеодоръ (воспитанникъ Пажескаго корпуса) на 17-му году своего возраста; вслѣдствіе смерти брата моего, мать моя рѣшилась взять насъ изъ корпуса, тѣмъ болѣе, что братъ и я не были крѣпкаго сложенія.

По выходѣ изъ корпуса отдали меня съ братьями *) въ пансіонъ г. Жакино, послѣ того въ частный институтъ г. Дмитріева и наконецъ одного уже меня, въ пансіонъ г. Жаненъ-Перро, бывшій Сантъ-Флорана.

Отецъ мой желалъ сдѣлать изъ меня музыканта и взялъ мнѣ въ учителя чуть ли не 70-ти лѣтняго старца, преподававшаго когда то моей матери нѣмецкій языкъ, Ив. Ив. Куна. Не чувствуя ни малѣйшаго расположенія къ музыкѣ, учился я не охотно. Учитель мой, будучи нѣмецъ и фортепіанную азбуку училъ меня по нѣмецки. Обладая хорошими памятью и слухомъ, я скоро выучилъ азбуку и, не изучая послѣдовательно гамму и переходы изъ тона въ тонъ, началъ играть прямо сонаты, но какимъ образомъ? Учитель, задавая мнѣ урокъ, предварительно проигрывалъ его по нѣскольку разъ, а я, запомнивъ имъ сыгранное, повторялъ въ слѣдующій урокъ все наизусть и почти безошибочно. Приходилъ онъ ко мнѣ по четвергамъ послѣ обѣда, и въ тѣ дни бывало когда слѣдовало ему придти, я выходилъ на балконъ смотрѣть, идетъ онъ или нѣтъ? и всегда радовался, когда онъ не являлся. Началъ я учиться музыкѣ, сколько мнѣ помнится, лѣтомъ 1811 или 1812 года, на 11-мъ или 12-мъ году. Меньшій братъ мой Михаилъ Алексѣевичъ былъ любимцемъ матери и ему-то обязанъ я тѣмъ, что музыкальное ученіе мое было непродолжительно. Одинъ разъ, во время урока, онъ подкрался сзади къ старику Куну и ударилъ его по лысинѣ. Старикъ до того разсердился, что съ того дня, къ вящщей радости моей, болѣе не приходилъ, и такимъ образомъ уроки музыки прекратились.

Въ 1816 году, отцу моему пришла мысль возобновить уроки музыки. Я былъ въ то время въ пансіонѣ Жаненъ-Перро. Мнѣ дали въ учителя снова нѣмца, Гофманна. Этотъ былъ какой-то полоумный, никогда ничего не говорилъ, а все улыбался, а если и говорилъ—то всегда по нѣмецки. Успѣховъ въ музыкѣ и на сей разъ я не оказалъ, игралъ какъ и прежде все по слуху. Замѣчательнаго было въ учителѣ моемъ то, что онъ былъ потливъ до того, что отвращалъ меня отъ музыки. Когда же онъ уходилъ, то, выходя изъ воротъ, всегда бѣжалъ какъ сумасшедшій. Отецъ мой, видя безуспѣшность ученія, оставилъ меня въ покоѣ.

Мнѣ было 19-ть лѣтъ, когда впервые заговорило сердце и говоръ этотъ развернулъ во мнѣ музыкальное вдохновеніе. И тутъ, откуда что взялось, одинъ, безъ учителя, началъ я фантазировать за фортепіано и сочинять, насвистывая, сначала вальсы, послѣ и романсы. Первый романсъ, сочиненный мною, былъ французскій, на слова: «Rendez la moi cette femme chérie». Онъ вылился изъ глубины души и такъ понравился моему отцу, что онъ положилъ его на ноты, объяснивъ мнѣ нѣкоторыя правила сочиненія. Романсъ этотъ, однако, не былъ отданъ въ печать.

Съ тѣхъ поръ началъ я постепенно доходить до всего самъ. Сочиняя, справлялся въ сочиненіяхъ извѣстныхъ композиторовъ французскихъ романсовъ Боельдье, Лафона и проч., читалъ генералъ-басъ Фукса, «Traité d'harmonie par Catel», пользовался совѣтами моего отца и такимъ образомъ писалъ все самъ и голосъ и аккомпаниментъ, и потомъ показывалъ отцу, который поправлялъ ошибки и дѣлалъ замѣчанія. Здѣсь я долженъ прибавить, что въ двадцатыхъ годахъ, учитель пѣнія, молодой Замбони и знаменитый контра-пунктистъ Солива, хотя и давали мнѣ уроки генералъ-баса, но уроки эти были такъ кратковременны, что они немного развили во мнѣ познаніе этой науки.

*) Насъ было у родителей пять братьевъ: Ѳеодоръ, Александръ, Петръ, Михаилъ, и я, и три сестры: Филизата, Екатерина и Анна.

Первый русскій романсъ, отданный мною въ 1820 году въ печать, былъ: «Уединенная сосна», слова М. А. Офросимова, служившаго въ то время въ л.-гв. Измайловскомъ полку, а впослѣдствіи бывшаго Московскимъ генералъ-губернаторомъ *). Вслѣдъ за этимъ романсомъ, неизвѣстная особа, подписавшаяся К. Т. прислала мнѣ слова романса: «Лампада», прося положить его на музыку.

Сочинялъ я всегда по вдохновенію. Если мнѣ попадались слова, согласныя съ настроеніемъ моихъ чувствъ, прочитавъ ихъ, у меня въ ту же минуту въ головѣ готова была и музыка,—и я тотчасъ же садился за фортепіано и клалъ ее на ноты. Такимъ образомъ сочинены были мною романсы: Мальвина (Жуковскаго), «Коварный другъ» (М. А. О.), къ Морфею (А. С. Пушкина)**) и многіе другіе.

Французскій кадриль мой (a mol) «Vieux Péchés», сочиненный въ 1824 году, сдѣлался любимымъ кадрилемъ въ обществѣ и пережилъ нѣсколько поколѣній. Не было бала, гдѣ бы его не играли, даже въ институтахъ и пансіонахъ, повсюду былъ онъ играемъ и до сихъ поръ сохранился въ памяти многихъ. Издатель этого кадриля М. И. Бернардъ говорилъ мнѣ, что онъ разошелся у него болѣе чѣмъ въ 16 тысячахъ экземпляровъ ***).

Въ 1824 году сочинилъ я скорый маршъ и написалъ вальсъ изъ рондо концерта Гуммеля (en si b mol). Тотъ и другой были положены капельмейстеромъ гвардейскаго корпуса А. А. Дерфельдомъ (отцомъ) на военную музыку. Маршъ и вальсъ сдѣлались всѣмъ извѣстны; послѣдній очень понравился покойному императору Александру Павловичу и герцогинѣ Веймарнской великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая въ тотъ годъ пріѣзжала въ Россію. Вальсъ этотъ играли въ Петергофѣ музыканты л.-гв. Финляндскаго полка, 1-й баталіонъ коего содержалъ въ немъ караулъ.

Въ томъ же году великій князь Николай Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Я служилъ тогда въ л.-гв. Финляндскомъ полку баталіоннымъ адъютантомъ и завѣдывалъ полковою музыкою.

Одинъ разъ, вечеромъ, я получилъ отъ двоюроднаго брата моего, старшаго адъютанта 2-й гвардейской дивизіи графа Константина Ивелича записку слѣдующаго содержанія: «Титовъ Николай, пріѣзжай завтра по утру въ 9-ть часовъ въ Аничковскій дворецъ, его высочество хочетъ тебѣ дать какую-то музыку». Къ назначенному часу явился я во дворецъ и между собравшимися генералами, полковыми адъю-

*) Объ этомъ романсѣ упоминаетъ И. С. Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ охотника» (изд. второе 1859 г., ч. 2, стр. 93-я), ошибочно причисляя его къ произведеніямъ Варламова. *Ред.*

**) Въ бумагахъ Н. А. Титова сохранилась неизвѣстно въ какомъ журналѣ напечатанная небольшая замѣтка тогдашняго поэта П. Родивановскаго, озаглавленная «Нѣчто о музыкѣ» и написанная по поводу сочиненной Н. А. музыки къ стихотворенію Пушкина «Къ Морфею». Родивановскій пользовался, въ свое время, нѣкоторою извѣстностію, въ особенности благодаря стихотворенію: «Шлѣнникъ», написанному имъ въ 1832 году. Вотъ эта замѣтка:

«Давно уже образованный міръ сдѣлалъ опредѣленіе, что музыка и поэзія суть двѣ неразлучныя сестры, взаимно себя украшающія, и эта истина неоспорима. Лирическая поэзія, облеченная въ гармонію, дышетъ двойными кристалами, равно и гармонія, слившись съ поэзіею, дѣлается доступна какъ слуху, такъ и сердцу человѣческому. Поэтъ долженъ родиться поэтомъ, а композиторъ композиторомъ; упражненіе только усовершенствуетъ сіи дары природы, но не даритъ человѣку способностей. Человѣкъ, хорошо играющій на какомъ нибудь инструментѣ, все равно, что другой хорошо читающій чужіе стихи, но своихъ сотворить не можетъ. Я, какъ страстный любитель музыки, обративъ полное вниманіе на сей предметъ, на опытѣ удостовѣрился въ истинѣ своихъ сужденій, неожиданно встрѣтивъ въ обществѣ извѣстнаго нашего композитора Николая Алексѣевича Титова, коего дары уже оцѣнены просвѣщенною публикою; я слышалъ его игру, слышалъ его пѣніе, и подстрекаемый любопытствомъ спросилъ: кто въ раннихъ лѣтахъ его юности былъ его наставникомъ? И что же? Къ удивленію узналъ, что Н. А. Титовъ никогда не учился ни музыкѣ, ни пѣнію, но что одна только страсть къ сей изящности, внушила ему занятія сею наукою, не всѣмъ безъ наставниковъ доступною; я усомнился въ истинѣ сего отвѣта, но окружающіе его слушатели, какъ бы въ шутку, предложили ему, не отходя отъ рояля, сочинить музыку къ словамъ А. С. Пушкина: «Къ Морфею». И что же? Прошло четверть часа и мое сомнѣніе исчезло: я услышалъ плѣнительную музыку, съ которою имѣю честь поздравить любительницъ нашего Прометея въ гармоніяхъ».

***) Въ первомъ изданіи кадриль этотъ состоялъ изъ пяти фигуръ, какъ это было принято въ то время; впослѣдствіи же къ нему приписана и шестая—на тему: «Вечеръ поздно изъ лѣсочка». Кадриль этотъ очень любилъ государь императоръ Николай I и однажды, пріѣхавъ съ императрицею въ Павловскій вокзалъ, въ одно изъ музыкальныхъ утръ, въ началѣ сентября, услышалъ названный контр-дансъ въ оркестрѣ подъ управленіемъ капельмейстера Іосифа Гунгля и затѣмъ всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ вокзалъ, заставлялъ играть кадриль, напоминавшій ему его молодость.

тантами и проч. офицерами, ожидалъ выхода его высочества. Когда великій князь вышелъ и принялъ рапорты отъ полковыхъ адъютантовъ, то обратился къ находящимся тутъ съ вопросомъ: «А гдѣ оберъ-музыкантъ»? Я вышелъ впередъ,—и великій князъ сказалъ мнѣ: «Поди ко мнѣ». Войдя въ кабинетъ, его высочество взялъ лежащую на столѣ тетрадь и, отдавая ее мнѣ, сказалъ: «Эту музыку получилъ я изъ Берлина, тутъ есть помѣченныхъ карандашемъ шесть темъ, изъ нихъ сдѣлаешь ты мнѣ шесть маршей, изъ коихъ одинъ долженъ быть тихій,—скоро ли они будутъ готовы»?—«Какъ прикажите, ваше императорское высочество»,—отвѣчалъ я.—«Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Великій князь любилъ музыку, имѣлъ вѣрный слухъ и огромную память. На ученьяхъ и маневрахъ онъ никогда не называлъ сигналовъ по номерамъ, но всегда ихъ напѣвалъ.

Данная мнѣ музыка была изъ балета «Кіа-Кингъ». Пріѣхавъ домой, я сѣлъ за фортепіано, разыгралъ ноты, чтобы сообразить какая тема пригодна для марша и какая для тріо,—и тотчасъ же принялся писать марши. Когда они были готовы въ партитурѣ, я предварительно показалъ ихъ А. А. Дерфельдту, который ихъ одобрилъ, сдѣлавъ нѣсколько измѣненій. Съ этими маршами, написанными тоже и для фортепіано, отправился я въ Аничковскій дворецъ, вручилъ ихъ его высочеству, за что и услышалъ: «Большое тебѣ спасибо».

Весною и осенью, когда разводился Исакіевскій мостъ, полкъ нашъ содержалъ на Васильевскомъ острову зарѣчные караулы. Великій князь пріѣзжалъ дѣлать разводы и въ это время прослушивалъ марши. Одинъ изъ нихъ особенно понравился ему и впослѣдствіи былъ играемъ весьма часто у развода музыкантами другихъ полковъ.

Вскорѣ послѣ того его высочество прислалъ за мною и сказалъ, что, будучи наканунѣ во французскомъ театрѣ, гдѣ давали водевиль «Michel et Christine», онъ слышалъ куплеты, пѣтые актеромъ Дюфуромъ съ барабаннымъ прибоемъ, приказалъ мнѣ отправиться къ режиссеру французской труппы Мезіеру попросить у него эту музыку и написать скорый маршъ, который бы играли вмѣстѣ барабанщики, флейщики и горнисты; но маршъ этотъ мнѣ не удался, потому что очень трудно было пригнать строй горновъ въ тонъ съ хоромъ; впослѣдствіи маршъ этотъ былъ переложенъ для кавалерійскихъ трубачей и играемъ при прохожденіи кавалеріи церемоніальнымъ маршемъ-галопомъ.

1-го января 1826 года разводъ былъ отъ нашего полка. Надо сказать, что великій князь Михаилъ Павловичъ всегда подтрунивалъ надъ моею музыкою и часто говорилъ мнѣ: «Что за марши пишешь ты, въ нихъ всегда любовь, пастушки, вздохи, ручейки; ты напиши мнѣ маршъ, знаешь, такой, чтобы онъ былъ воинственный, чтобы ноги сами поднимались». И дѣйствительно, къ этому дню написалъ я маршъ, взявъ тему изъ оперы: «Красная шапочка». Маршъ былъ сыгранъ, но государь Николай Павловичъ, при прохожденіи баталіона справа рядами, стоя близъ меня, не сказалъ мнѣ ни слова, а только билъ тактъ; обыкновенно же, когда маршъ ему нравился, то всегда что нибудь говорилъ мнѣ привѣтливое.

По окончаніи развода, я съ хоромъ музыкантовъ отправился вмѣстѣ съ главнымъ карауломъ на главную гауптвахту, и когда смѣна кончилась, я пошелъ на комендантскій подъѣздъ. Въ это время государь въ сопровожденіи всей свиты шелъ съ этого же подъѣзда во дворецъ; увидѣвъ меня въ коридорѣ, государь подозвалъ меня, изволилъ взять за руку и представилъ эрцгерцогу Фердинанду австрійскому, который пріѣзжалъ отъ австрійскаго двора съ поздравленіемъ со вступленіемъ императора на престолъ. Представляя меня, государь сказалъ эрцгерцогу: «Je vous présente le musicien de ma maison, l'auteur de toutes ces marches que vous entendez tous les jours á la parade, Titoff». (Представляю вамъ моего домашняго музыканта, автора всѣхъ маршей, которые вы слышите каждый день,—Титова). Принцъ очень любезно пожалъ мнѣ руку, сказалъ нѣсколько любезностей, и когда

раскланялся со мною, тогда государь, продолжая идти по лѣстницѣ, подозвалъ меня и спросилъ: «А сегодня играли новый маршъ и кажется изъ «Красной шапочки»? Это твой маршъ»?—«Мой, ваше величество».—«Какъ онъ тебѣ нравится»?—«Я не знаю, ваше величество,какъ понравился онъ вамъ»? спросилъ я государя. «Мнѣ онъ очень не понравился,—отвѣчалъ государь,—слишкомъ громокъ, барабаны все заглушили».—«Я хотѣлъ угодить его высочеству Михаилу Павловичу», сказалъ я.—«А надо кому нибудь угодить»—отвѣчалъ государь.

Не забуду также,какъ въ Москвѣ (куда гвардейскіе баталіоны приходили на коронацію) 1-го августа 1826 года былъ церковный парадъ. На этомъ парадѣ играли два новыхъ марша моего сочиненія, и когда я стоялъ съ музыкантами л.-гв. Егерскаго полка, то государь императоръ, подозвавъ меня къ себѣ, изволилъ спросить,мои-ли это марши, и на отвѣтъ, что мои,изъявилъмнѣсвоеодобреніе,—и марши эти, переложенные на фортепіано, были мною доставлены государынѣ императрицѣ.

Всего забавнѣе было то, что на репетиціи генералъ Мартыновъ, бывшій въ то время нашъ отрядный командиръ, забраковалъ эти марши, а когда государь ихъ похвалилъ, то и онъ нашелъ ихъ прекрасными.

Этотъ же начальникъ, слушая разъ хоръ играющихъ музыкантовъ, замѣтилъ, что большею частію игралъ все одинъ, а остальные только подхватывали форте.—«Отчего это играетъ все одинъ»? спросилъ генералъ.—«Это соло ваше превосходительство»—отвѣчалъ ему я.—«Играйте всѣ соло»—сказалъ Мартыновъ, обратясь къ музыкантамъ. Онъ же пріѣхалъ въ театръ,гдѣ давали оперу «Фенелла», и по окончаніи ея сказалъ: «Какая это опера? Эта вся музыка составлена изъ маршей».

Въ 1828 году, января 28 числа, при дворѣ былъ балъ, на которомъ и я находился. Во время ужина, стоя за стуломъ одной изъ фрейлинъ и разговаривая съ ней,я вдругъ почувствовалъ, что кто-то ударилъ меня слегка по плечу. Оглянувшись, я увидѣлъ государя, который сказалъ мнѣ: «Ступай за мной»! Когда его величество приблизился къ столу, за которымъ сидѣла государыня императрица Александра Ѳеодоровна,то, взявъ меня за руку, подвелъ къ ея величеству и сказалъ по французски: «Le voici, l'auteur de toutes ces jolies marhes que nous entendons jouer tous les jours à la parade, Titoff, et dans ce moment on joue une marche de sa composition». (Вотъ авторъ всѣхъ этихъ хорошенькихъ маршей, которые мы слышимъ на парадѣ каждый день,—Титовъ, и даже въ настоящую минуту играютъ маршъ его сочиненія). И дѣйствительно, въ это время на хорахъ музыканты л.-гв. Преображенскаго полка играли тихій маршъ, передѣланный мною изъ романса «La Sentinelle».

Государыня весьма милостиво со мною разговаривала и дозволила мнѣ на будущее время всѣ мои сочиненія представлять ея величеству. Затѣмъ государь еще нѣсколько минутъ милостиво разговаривалъ со мною о музыкѣ. Помню, что на этомъ балѣ у меня была голова въ завиткахъ,и великій князь Михаилъ Павловичъ, увидѣвъ меня,сказалъ: «Хорошъ, очень хорошъ» и подводилъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему и просилъ полюбоваться мною, называя меня «бараномъ».

Впослѣдствіи, когда государю случалось встрѣтить гдѣ либо меня,его величество находилъ всегда сказать мнѣ какое нибудь милостивое слово.

. . . . . .

. . . . . .

Въ 30-хъ годахъ я познакомился съ М. И. Глинкою,и когда написалъ музыку на слова: «Шарфъ голубой», показалъ ему, прося поправить ошибки противъ правилъ генералъ-басса. Онъ взялъ, просмотрѣлъ, пропѣлъ и сказалъ мнѣ: «Мелодія эта такъ хороша, что ежели что нибудь въ ней измѣнить—это значитъ все испортить. Все, что я могу себѣ позволить, прибавилъ онъ, это поправить бассъ въ аккомпаниментѣ, а болѣе не смѣю ничего трогать».

Многимъ обязанъ я этому геніальному композитору за его совѣты, равно Даргомыжскому и Ласковскому.

Глинка былъ уменъ, любезенъ, когда хотѣлъ, пѣлъ плѣнительно, но не былъ симпатиченъ. Въ немъ просвѣчивала гордость. Онъ былъ неимовѣрно самолюбивъ и занятъ своимъ талантомъ. Выше себя онъ не признавалъ никого и любилъ, чтобы ему внимали, но не могу не отдать справедливости его геніальному таланту. Видался я съ нимъ въ домѣ дяди моего, у полковника Струнеева *) и у Кукольника. Разъ помню я, въ избыткѣ откровенности, онъ сознался мнѣ, что не могъ жить съ своей женою, потому что qu'elle sentait de la bouche (его собственныя слова) имѣлъ поговорку: «баринъ».

Въ 30-хъ же годахъ въ домѣ дяди моего Павла Николаевича познакомился я съ двумя братьями Эрастомъ и Александромъ Сергѣевичами Даргомыжскими—два замѣчательныхъ таланта, первый игралъ на скрипкѣ, второй на фортепіано. Эрастъ умеръ въ цвѣтущихъ годахъ, Александръ же продолжалъ пріобрѣтать болѣе и болѣе извѣстность, какъ своею игрою, такъ и своими музыкальными произведеніями, уже въ то время обращавшими вниманіе диллетантовъ и знатоковъ. Александръ Сергѣевичъ ухаживалъ за А. П. П., къ которой я сильно его ревновалъ, а потому отношенія наши были тогда весьма холодны. Впослѣдствіи я познакомился съ родителями его, Сергѣемъ Николаевичемъ и Марьею Борисовною, и былъ всегда принимаемъ ими весьма радушно.

Марья Борисовна была урожденная княжна Козловская; сестра ея Дарья Борисовна Кайсарова, съ коею я былъ также знакомъ, имѣла двухъ сыновей: Андреяна и Юлія Михайловичей. Домъ Кайсаровыхъ былъ притономъ молодежи, которая всякій почти день собиралась у нихъ. У нихъ же въ домѣ я познакомился съ ихъ дядею княземъ Петромъ Борисовичемъ Козловскимъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ по своему привлекательному уму и обворожительной любезности. Онъ былъ посланникомъ при нѣсколькихъ дворахъ, во все время игралъ значительную роль, былъ тонкимъ дипломатомъ, но про него нельзя сказать, чтобы онъ былъ придворный куртизанъ. Онъ зналъ себѣ цѣну и скорѣе самъ былъ куртизированъ при дворѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна любили его и оказывали ему особенное расположеніе, такъ что онъ проводилъ лѣтомъ по нѣсколько дней въ Ораніенбаумѣ у великой княгини. Мы, вся молодежь, были отъ него въ восторгѣ.

Въ 60-хъ годахъ съ величайшимъ удовольствіемъ проводилъ я вечера у А. С. Даргомыжскаго. По понедѣльникамъ и четвергамъ собирались у него любительницы и любители пѣнія, большею частію его ученицы и ученики, и надо сказать правду, что всѣ проходившіе его школу, сдѣлались отличными пѣвцами. Лучшія ученицы его были г-жа Бѣленицына, А. Ѳ. Миллеръ, Лаврентьева, Морозова, Максимова и многія другія. Онъ образовалъ изъ П. И. Родзишевскаго (теноръ) хорошаго пѣвца. В. П. Опочининъ пѣлъ всѣ сочиненія Даргомыжскаго, а также и итальянскую музыку отлично. Онъ исполнялъ всѣ романсы Глинки и Даргомыжскаго въ такомъ совершенствѣ, что лучшаго нельзя было и желать. Александръ Сергѣевичъ не былъ никогда большой охотникъ до итальянской музыки и большею частію пѣніе было русское. Аріи, дуэты, квартеты и хоры изъ оперъ «Жизнь за царя», «Русланъ и Людмила»—Глинки и изъ «Эсмеральды», «Русалки» и «Торжество Вакха»—Даргомыжскаго, исполнялись прекрасно, но пальма первенства въ исполненіи женскихъ голосовъ принадлежала Бѣленицыной, Миллеръ (soprano), С. П. Еленевой и Морозовой (contre-alte). Никогда не слышалъ я исполненія съ такимъ совершенствомъ и увлеченіемъ романса Александра Сергѣевича, «Au bal», какъ Бѣленицыной; она приводила всѣхъ въ восторгъ. Любовь Ѳедоровна Миллеръ пѣла тоже прекрасно романсы Глинки и Даргомыжскаго. Въ 11-ть часовъ большая часть гостей разъѣзжалась, отецъ Даргомыжскаго уходилъ въ 10 часовъ къ себѣ въ спальню, оставалось ужинать самое небольшое

*) Въ квартирѣ котораго онъ жилъ тогда, а именно въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ; она помѣщалась въ то время у Синяго моста, въ домѣ графовъ Чернышевыхъ, что нынѣ дворецъ великой княгини Маріи Николаевны.

интимное общество. Изъ дамъ ужинали постоянно С. П. Еленева и А. Ѳ. Миллеръ, мужчины же Энгельгардтъ (В. П.), К. Н. Вельяминовъ, Опочининъ, М. Р. Щиглевъ, Родзишевскій, В. Т. Соколовъ *) и я; бесѣда продолжалась всегда далеко за полночь. Надо сказать, что Александръ Сергѣевичъ былъ всегда чрезвычайно внимателенъ и милъ со всѣми своими гостями, онъ не оказывалъ никому особеннаго вниманія, обхожденіе его было со всѣми одинаково любезно, онъ предоставлялъ на волю каждаго дѣлать что угодно. Кто хотѣлъ слушать музыку, тотъ оставался въ гостинной, кто хотѣлъ разговаривать, курить, тотъ сидѣлъ въ столовой, однимъ словомъ, никто ничѣмъ не стѣснялся. Замѣчательно, что большая часть ученицъ его повышла замужъ, и онъ часто говаривалъ шутя, что лишь только успѣетъ сформировать пѣвицу, какъ у нея уже явится и женихъ.

Изъ замѣчательныхъ пѣвицъ нельзя не упомянуть о Зинаидѣ Павловнѣ Башинской, впослѣдствіи вышедшей замужъ за князя Манвелова и скончавшейся въ Италіи, отъ чахотки, въ самыхъ цвѣтущихъ годахъ. Это былъ нашъ соловей.

Говоря о талантѣ А. С. Даргомыжскаго, я не могу не упомянуть о товарищѣ моемъ по л.-гв. Преображенскому полку Иванѣ Ѳеодоровичѣ Ласковскомъ. Это былъ талантливый піанистъ и сочинитель, ученикъ Фильда.

Въ то же время появилась въ обществѣ извѣстная піанистка Болотникова, ученица Карла Мейера. Она участвовала во многихъ концертахъ и игрою своею обращала вниманіе знатоковъ.

Глинка (Мих. Иван.), А. С. Даргомыжскій, Ласковскій и Болотникова были замѣчательные піанисты въ 30-хъ годахъ. Къ нимъ можно присоединить Екатерину Александровну Алединскую, фрейлину двора великой княгини Елены Павловны. Она играла на фортепіано и на арфѣ и какъ на томъ, такъ и на другомъ инструментѣ отлично; прибавлю еще, что я мало встрѣчалъ женщинъ столь увлекательной наружности. Это была олицетворенная грація, идеальная личность. Красота ея состояла не столько въ лицѣ, которое имѣло что-то невыразимо плѣнительное, но вся она была такъ граціозна, такъ очаровательна, что цельзя было не восхищаться ею. Надо было видѣть ее сидящею съ арфою, чтобы восторгаться ея граціозною позою и выраженіемъ ея очаровательнаго лица. Это было небесное существо—слишкомъ хорошее для земнаго міра. Она вышла замужъ за Павла Нащокина и умерла послѣ первыхъ родовъ, въ самой цвѣтущей красотѣ и молодости (19 лѣтъ). Смерть ея глубоко поразила всѣхъ ее знавшихъ. Много лѣтъ спустя умеръ и Нащокинъ съумасшедшимъ. Графъ Д. И. Хвостовъ написалъ ей слѣдующую эпитафію:

«Какъ роза майская Нащокина цвѣла,
Она и матерью въ семъ мірѣ не была.
Родители, друзья, лія потоки слезны,
Лобзаютъ съ горестью сей прахъ ея любезный».

Въ домѣ Алединскихъ я былъ принятъ какъ родной и бывалъ весьма часто у нихъ: Екатеринѣ Александровнѣ посвятилъ я вальсъ, который восхищалъ весь Петербургъ. Всѣ подозрѣвали, что я въ нее влюбленъ; но нѣтъ, я благоговѣлъ передъ нею, былъ ея обожателемъ, поклонникомъ ея, но влюбленъ не былъ.

Въ сороковыхъ годахъ познакомился я съ Варламовымъ, который часто бывалъ у насъ*). Дивно пѣлъ этотъ человѣкъ свои романсы, голоса же у него почти не было.

Рѣдко слыхалъ я, кто бы такъ хорошо пѣлъ романсы какъ г-жа Геннингсъ, урожденная Ришаръ, впослѣдствіи вышедшая замужъ за Ѳедора Матвѣевича Мусина-Пушкина, ротмистра л.-гв. Гусарскаго полка. Я познакомился съ нею въ 20-хъ годахъ; она была очень дружна съ двоюродною сестрою моею Варварою Александровною Клейнмихель, урожденной Кокошкиной. Въ тѣ годы еще мало пѣли русскіе романсы, а потому г-жа Геннингсъ пѣла все романсы французскіе. Романсъ: «Consois-tu

*) Романсы коего въ большомъ ходу и дѣйствительно надо отдать справедливость, что они хороши; въ нихъ много мелодіи и задушевности. Примѣч. Н. А. Титова.

*) Варламовъ посвятилъ Н. А. Титову свой романсъ «Соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла». *Ред.*

toutes mes douleurs», пѣла она восхитительно.

У брата моего Александра Алексѣевича былъ дивный теноръ, но пѣть онъ никогда не учился. Братъ же Михаилъ Алексѣевичъ пѣлъ очень мало и хорошо сочинялъ. Было весьма много романсовъ его, дѣйствительно прекрасныхъ, а также много танцевъ. Онъ игралъ и концерты.

У меня былъ двоюродный братъ Николай Сергѣевичъ, имѣвшій много музыкальныхъ способностей. Онъ много написалъ хорошихъ романсовъ, вскорѣ за появленіемъ моихъ, и пѣлъ преоригинально—всегда торопился, какъ будто бы ему было некогда. Былъ онъ женатъ на Любови Петровнѣ Малютиной, женщинѣ роста высокаго, полной и красавицѣ. Николай Сергѣевичъ всегда говорилъ, что онъ «за своей женой, какъ за Дудоровой горой». Умеръ въ Москвѣ, въ самыхъ цвѣтущихъ годахъ отъ горловой чахотки.

Я уже упомянулъ, что русскіе романсы въ началѣ нашего столѣтія въ ходу не были, а пѣвались французскіе. Первые же вошли въ моду съ двадцатыхъ годовъ.

Въ одно время почти съ моими романсами появились романсы Алябьева: «Вечеркомъ румяну зорю», «Соловей мой соловей», послѣдній былъ въ большомъ ходу. Варламовъ написалъ свой «Красный сарафанъ», который произвелъ фуроръ и пѣлся вездѣ и всѣми, словомъ, сдѣлался общею пѣснею. Онъ былъ пѣваемъ всѣми сословіями—и въ гостинной вельможи, и въ курной избѣ мужика.

Въ числѣ повѣстей Н. М. Карамзина есть повѣсть: «Островъ Борнгольмъ», въ ней есть стихи:

«Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ»?

Куплеты эти были положены на музыку, сочиненіе коей приписывали супругѣ великаго князя Константина Павловича великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Извѣстно, что бракъ этотъ былъ несчастливъ и великая княгиня разъѣхалась съ мужемъ.

Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой написалъ очень удачно романсъ: «Кисейный рукавъ».

Много написалъ романсовъ Дерфельдтъ *); изъ нихъ много есть хорошихъ и изъ первыхъ его романсовъ, «Безумная», заслуживаетъ особенной похвалы.

Гурилевъ также обратилъ на себя вниманіе своими романсами.

Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ романсовъ: «Роза-ль ты розочка», и «Когда душа просилась ты»—чрезвычайно граціозны.

Называя современныхъ мнѣ композиторовъ, слѣдуетъ отдать дань справедливости Алексѣю Николаевичу Верстовскому, который пріобрѣлъ себѣ извѣстность своею оперою: «Аскольдова могила». Въ этой оперѣ пѣснь Торопки: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ» и хоръ дѣвушекъ: «Ахъ подруженьки» были одно время народными напѣвами; мнѣ случалось иной разъ слышать какого нибудь мальчика, поющаго: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ». Прочія оперы Верстовскаго не имѣютъ никакихъ отличительныхъ достоинствъ; онъ сочинялъ музыку и для водевилей.

Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ въ свое время былъ отличный скрипачъ. «Adagio» его было превосходно. Онъ сочинилъ три оперы: «Біанка и Гвальтіеро», «Ундину» и «Старосту», но ни одна изъ этихъ оперъ не привилась къ русской сценѣ; онѣ были даваемы весьма не много разъ, не произвели никакого эффекта и прошли незамѣченными. Онъ написалъ «Stabat-Mater», въ коей есть вещи хорошія; духовныя сочиненія его напоминаютъ сочиненія Бортнянскаго; между ними есть хорошія произведенія; вообще же во всѣхъ сочиненіяхъ А. Ѳ. Львова мало творчества.

Николай Ивановичъ Бахметевъ то же композиторъ не безъ таланта, его романсъ: «Борода-ль моя-ль бородушка», произведеніе, достойное вниманія; духовныя сочиненія его не безъ нѣкоторыхъ достоинствъ, но не могутъ сравниться съ духовными сочиненіями Бортнянскаго.

*) Антонъ Антоновичъ (сынъ) бывшій, какъ и отецъ его, капельмейстеромъ войскъ гвардіи. Его замѣстилъ извѣстный артистъ на cornet-à-pistons Вурмъ.

Хотя много появлялось сочинителей, но особенно замѣчательныхъ талантовъ не было. Съ появленіемъ же романсовъ Михаила Ивановича Глинки и Александра Сергѣевича Даргомыжскаго всѣ мелкіе таланты затмились. Глинка и Даргомыжскій пріобрѣли неувядаемую славу на музыкальномъ поприщѣ. Сочиненія ихъ отодвинули на задній планъ всѣ романсы предшественниковъ. Хотя романсы Варламова и мои продолжали еще имѣть успѣхъ, но они далеко уже отставали въ аккомпанементѣ и разнообразіи характеровъ. Надо сказать и то, что изъ числа поименованныхъ мною сочинителей немногіе знали такъ хорошо генералъ-бассъ и контрапункцію, какъ изучили то и другое Глинка и Даргомыжскій. Возьмите любой романсъ того и другаго и сравните съ любымъ романсомъ котораго либо изъ прежнихъ сочинителей и вы увидите огромную разницу въ аккомпанементѣ; это, въ своемъ родѣ, этюды. Конечно между многими изъ старыхъ романсовъ есть прекрасныя мелодіи, но отдѣлка бѣдна, аккомпанементъ вообще очень простъ, не замысловатъ и безъ малѣйшаго варіированія. Мы писали одинъ и тотъ же аккомпанементъ на всѣ куплеты романса, а они же аккомпанементъ разнообразили, придавая каждому куплету особый характеръ, что конечно производитъ большой эффектъ. Надо однако прибавить, что старые или прежніе сочинители романсовъ заботились не о блестящей ихъ аранжировкѣ, а напротивъ, о легкости аккомпанемента, дабы всякій поющій могъ самъ себя аккомпанировать, тогда какъ романсы нашихъ знаменитыхъ композиторовъ Глинки и Даргомыжскаго очень трудно пѣть, аккомпанируя самому себѣ. Какъ М. И. Глинка, такъ и А. С. Даргомыжскій начали свое музыкальное поприще первоначально сочиняя романсы, а потомъ сдѣлались знаменитыми творцами оперъ и стяжали себѣ достойную славу и извѣстность.

Но странно, что въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и ранѣе у насъ существовала русская опера; съ водвореніемъ же итальянской вкусъ публики измѣнился, она предалась вліянію послѣдней музыки до того, что не умѣла оцѣнить дорогихъ произведеній своихъ соотечественниковъ и была непростительно къ нимъ холодна. Истинные знатоки (къ сожалѣнію ихъ немного) оцѣнили оперы Глинки и Даргомыжскаго и оперы перваго: «Жизнь за царя» и «Русланъ и Людмила» давались довольно часто на русской сценѣ (предпочтительно первая). Оперы А. С. Даргомыжскаго были приняты холодно, публика наша не умѣла оцѣнить твореній своего роднаго, геніальнаго композитора, но придетъ время, когда достойному воздадутъ достойное. Все что наше, русское, родное, мы того цѣнить не умѣемъ и къ стыду нашему кадимъ и преклоняемся всему чужеземному.

. . . . . .

. . . . . .

По окончаніи воспитанія моего въ пансіонѣ Жаненъ-Перро возъимѣлъ я намѣреніе поступить въ военную службу и 21 апрѣля 1817 года, 16 лѣтъ отъ роду, былъ опредѣленъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ. Командиромъ полка былъ въ то время генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ. Я былъ зачисленъ въ 3-ю фузилерную роту штабсъ-капитану Алимпію Ивановичу Прянишникову; баталіонный командиръ мой былъ баронъ Карлъ Карловичъ Пирхъ.

Насъ было до 50 человѣкъ подпрапорщиковъ, и мы всѣ обучались фронтовой службѣ у полковника Сергѣя Павловича Шипова.

Баронъ Розенъ былъ весьма ласковъ и внимателенъ къ молодежи. Одинъ разъ произошелъ такого рода случай: пріѣзжаютъ въ театръ и садятся въ кресла полковникъ Исленьевъ и капитанъ Корсаковъ, оба офицеры нашего полка. Среднее кресло между ними было пустое, и каково же было ихъ удивленіе, когда является въ театръ во фракѣ подпрапорщикъ Градницкій и садится между ними. По окончаніи спектакля Исленьевъ предложилъ Градницкому ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и доставилъ его въ роту подъ арестъ. Надругойдень полковой командиръ собралъ всѣхъ подпрапорщиковъ къ себѣ на квартиру и, поздоровавшись съ нами, обратился къ полковому адъютанту Кокошкину и сказалъ ему: «Сергѣй

Александровичъ, приведите сюда Градницкаго». Спустя нѣсколько времени входитъ Кокошкинъ, а за нимъ Градницкій во фракѣ: войдя онъ поклонился сначала барону Розену, а потомъ и намъ. Мы всѣ улыбнулись; тогда баронъ Григорій Владиміровичъ обратился къ намъ и сказалъ: «Господа, чему тутъ смѣяться, я нахожу, что это неумѣстно. Вотъ вашъ товарищъ, который позволилъ себѣ вчера, какъ вы его видите, быть въ театрѣ и за это былъ наказанъ арестомъ; я надѣюсь, что впередъ этого не случится». Этимъ исторія и кончилась.

Лицо генералъ-адъютанта барона Розена было серьезное, онъ былъ весьма добръ, но слабаго характера. Офицеры и вообще всѣ чины полка любили его. Онъ имѣлъ привычку всякую фразу говорить по русски, а потомъ по французски. Бывало войдетъ въ дворцовый экзерциръ-гаусъ, гдѣ производились баталіонныя ученья, и когда офицеры сойдутся на средину баталіона, онъ подойдетъ къ нимъ и скажетъ: «Здравствуйте господа». — Bonjour Messieurs. «Здоровы ли вы»?—Comment Yous portez Yous?—Потомъ обратится къ баталіонному командиру барону Пирху: «Карлъ Карловичъ, дѣлайте что хотите»,—faites ce que Yous voulez», и тотчасъ же скомандуетъ: *«справа въ колонну стройся»* или другое какое построеніе.

Въ 1818 году, когда 1-й баталіонъ пошелъ въ Москву, я былъ переведенъ во 2-й баталіонъ во 2-ю гренадерскую роту въ капитану Мессингу. Баталіонный командиръ былъ въ то время полковникъ Павелъ Яковлевичъ Карцовъ, человѣкъ не высокаго образованія, но извѣстный служака. Голосъ у него былъ громадный, или какъ тогда называли «гезіальный» и командовалъ отлично. Не любилъ онъ нашу братію подпрапорщиковъ и иначе не называлъ насъ какъ «дворянинъ». Одинъ разъ, равняя въ рядахъ колонну, я какъ-то высунулся изъ ряда; увидѣвъ меня, онъ закричалъ: «Дворянинъ! что хайло то разинулъ? я те курятникъ-отъ затворю». Подпрапорщикъ З. явился на ученье съ длинными волосами. Полковникъ Карцовъ, замѣтивъ это, сказалъ:— «Э, братъ, дворянинъ, что у те за овинъ на головѣ? Фельдфебель! позвать цирульника». И приказалъ тутъ же остричь на барабанѣ. Въ наше время ружейные пріемы дѣлались по флигельману, на караулъ дѣлали въ три пріема, и вотъ какъ Карцовъ училъ этимъ пріемамъ: «Первую хватку какъ орѣхъ раскусить, вторую—какъ бл... по щекѣ; а третья—чтобъ сгорѣла». Карцовъ былъ женатъ. Разсказывали про него, что на другой день сватьбы, когда онъ садился въ карету, чтобы ѣхать съ молодой женой дѣлать визиты, то замѣтилъ, что молодая оставила ему мало мѣста. Тогда онъ скомандовалъ ей: «Катерина Николаевна! глаза направо, направо примыкай—маршъ»! Кто-то изъ офицеровъ пришелъ просить верховой лошади. «Нѣтъ, батюшка, ни моего сѣрка, ни Катерины Николаевны никому не дамъ», —отвѣчалъ онъ.

Впослѣдствіи меня перевели въ 3-й баталіонъ въ 7-ю фузилерную роту къ штабсъ-капитану Ивану Павловичу Шипову, баталіонный же командиръ былъ Александръ Сергѣевичъ Шкуринъ. По возвращеніи 1-го баталіона изъ Москвы я былъ переведенъ снова въ 1-й баталіонъ въ роту его величества, командиръ коей былъ тогда капитанъ Михаилъ Александровичъ Корсаковъ.

Въ 1819 году формировался 3-й бат. въ л.-гв. Финлядскомъ полку, и братъ мой Петръ, служившій въ ономъ, просилъ командира полка генерала Бориса Сергѣевича Рихтера перевести меня для совмѣстнаго съ нимъ служенія и 14 марта названнаго года я былъ переведенъ въ помянутый полкъ и поступилъ въ 1-й бат. въ 1-ю егерск. роту. Командиромъ этого баталіона былъ въ то время полковникъ Михаилъ Яковлевичъ Палицынъ, впослѣдствіи, въ 1821 г., за отсутствіемъ генерала Рихтера, командовавшій полкомъ и въ томъ же году, за смотръ подъ Бешенковичами, произведенный въ генералы. Онъ былъ извѣстный служака. Съ нижними чинами обращался крайне круто. Они настоящей фамиліей его не называли; а дали ему прозваніе полковника Колотушкина. Встрѣтилъ какъ-то онъ на улицѣ молодаго рекрута, изъ чухонъ, который не сдѣлалъ ему фронта. «Ты

знаешь меня»? спросилъ онъ рекрута.—«Знаю, ваше высокоблагородіе.—«Кто я такой»?—«Полковникъ Колотушкинъ. в. в.» У Палицына былъ слуга, который столько получалъ тычковъ отъ барина, что бѣгалъ отъ него какъ отъ чумы. Бывало войдетъ къ нему въ спальную, будить на ученье, дернетъ его за ногу, назоветъ по имени: «Михаило Яковлевичъ вставать пора!»—а самъ и удеретъ изъ комнаты. Къ Палицыну каждое утро приходили фельдфебеля съ рапортами. Войдутъ, выстроятся въ одну шеренгу и ожидаютъ его выхода. Первый фельдфебель Коровинъ начинаетъ рапортовать: «Г. полковникъ такая-то рота обстоитъ исправно».—«Сколько ходитъ въ караулъ въ морской корпусъ»? неожиданно спроситъ Палицынъ.—«Кажется 20 человѣкъ, ваше высокоблагородіе».—«Кажется»?—и подзубникъ слѣдуетъ за отвѣтомъ: «вотъ тебѣ не покажется». За симъ продолжаетъ рапортовать слѣдующій фельдфебель, Андреевъ: «1-я рота обстоитъ исправно».—«Кто у тебя стоитъ во второмъ взводѣ во второмъ отдѣленіи съ праваго фланга въ задней шеренгѣ третьимъ человѣкомъ?»—«Запамятовалъ, ваше высокоблагородіе».—«Вотъ тебѣ не запамятуешь»—и вслѣдъ за симъ тычокъ въ зубы.—Далѣе рапортуетъ фельдфебель Прокофьевъ: «2-я рота обстоитъ исправно».—«Не торопись»—Такъ какъ баталіонный командиръ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ ротнымъ, поэтому фельдфебелю тычки доставались не часто, за то фельдфебелю 3-й роты, Берсеневу, доставалось болѣе всѣхъ; полковникъ былъ не въ ладахъ съ ротнымъ командиромъ и на донесеніе, что 3-я рота обстоитъ исправно, всегда находился вопросъ, за коимъ слѣдовалъ тычекъ.—«Что у тебя въ ротѣ случилось? а?»—«Два солдатика подрались, ваше высокоблагородіе».—«Два солдатика? Какіе два солдатика, деревянные что ли? а? Э, рыло свиное—два солдатика,—вотъ тебѣ два солдатика», и два подзубника влѣплялись въ скулы фельдфебеля. Отрапортовавъ, они стоятъ и ждутъ приказаніи начальника; послѣдній ограничивался иногда тѣмъ, что гаркнетъ имъ «Вонъ!» Они и повернутъ налѣво кругомъ, а Палицынъ вдругъ крикнетъ: «Кто велѣлъ»? и давалъ всѣмъ четыремъ въ за-шей и затѣмъ колѣнкой выпроваживалъ ихъ. Палицынъ очень любилъ производить ученья, не проходило дня безъ того. Однажды, когда онъ былъ уже генераломъ и командующимъ полкомъ, назначивъ наканунѣ ученье, онъ проснулся на другой день и, увы! на дворѣ шелъ дождь. Онъ посылаетъ спрашивать у всѣхъ, идетъ ли дождь и отовсюду получаетъ утвердительный отвѣтъ. Наконецъ призываетъ ординарца и приказываетъ ему: «Пошелъ, посмотри, идетъ ли дождь? на улицѣ встань»!—а самъ, растворивъ форточку, спрашиваетъ ординарца: «Что? идетъ»!—«Идетъ, ваше прев-во».—«Откуда»?—«Съ неба, ваше прев-во».—«Вотъ я тебѣ дамъ небо! поди-ка ко мнѣ небо», и ординарецъ является въ комнату для полученія подзубника за то, что съ неба идетъ дождь. Таже самая продѣлка происходила и съ вѣстовымъ. Тоже приказаніе и тотъ же отвѣтъ и тотъ же подзубникъ за то, что съ неба шелъ дождь.

Ротный командиръ мой, баронъ И. И. Саргеръ, былъ строгъ, и тутъ узналъ я разницу службы, которую несъ въ л. гв. Преображенскомъ полку. Здѣсь я дежурилъ по ротѣ въ очередь съ унтеръ-офицерами; ходилъ на отдѣльные посты въ караулъ, стоялъ въ Петропавловской крѣпости въ караулѣ съ моимъ ротнымъ командиромъ, который ночью заставлялъ меня обходить по валу и разставлять часовыхъ, словомъ сказать, я несъ службу настоящую.

Въ главный караулъ, какъ въ Преображенскомъ, такъ и въ этомъ полку, ходилъ я подъ знаменемъ и былъ извѣстенъ мастерствомъ салютовать онымъ на тихомъ шагу, такъ что при разводѣ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ.

Въ 1821 году объявленъ былъ гвардіи походъ, и 26 апрѣля я выступилъ съ полкомъ.

Въ томъ же году, мая 9-го, назначенъ былъ къ намъ командиромъ полка генералъ-маіоръ В. Н. Шеншинъ, впослѣдствіи сдѣланный за 14 число декабря 1825 года генералъ-адъютантомъ. Къ полку прибылъ онъ въ то время, когда мы стояли въ Полоцкѣ. Въ командованіе полка онъ не вступалъ до нашего возвра-

щенія въ Петербургъ. 14-го декабря 1825 года, онъ и генералъ Фредериксъ, тогда командиръ л. гв. Московскаго полка, были ранены саблею штабсъ-капитаномъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ.

Другихъ особенно замѣчательныхъ для меня событій въ этомъ году не было. Въ переходахъ, дѣлаемыхъ нами ничего не было необыкновеннаго. Помню однако одно, что, слѣдуя до г. Витебска, 20-го мая, когда мы пришли въ г. Валки, намъ отвели квартиру между городомъ и ст. Ранценъ у помѣщика, который былъ уродъ, совершенная птица. Носъ его былъ на подобіе клюва, глаза круглые, волосы какъ у птицы лежали всѣ зачесанными назадъ, шея соединялась съ подбородкомъ, котораго почти не было; руки его были на подобіе птичьихъ лапъ, о ростѣ его и остальной части туловища мы судить не могли, потому что видѣли его сидящимъ. Человѣкъ этотъ чрезвычайно какъ для насъ былъ любопытенъ. Впослѣдствіи времени, въ 1836 году, ѣхавъ въ Вильну по тому же тракту, я вспомнилъ на станціи объ этомъ помѣщикѣ, и станціонный смотритель говорилъ мнѣ, что онъ былъ женатъ на прехорошенькой женщинѣ и оставилъ по себѣ двухъ сыновей молодцовъ.

Въ сентябрѣ, послѣ смотра подъ мѣстечкомъ Бѣшенковичи, гдѣ вся гвардія была въ сборѣ и гдѣ она давала обѣдъ государю императору Александру Павловичу, мы надѣялись, что его величество объявитъ намъ обратный походъ, но было иначе, и мы отправились на зимнія кантониръ-квартиры въ Гродненскую губернію, въ мѣстечко Бѣлицы.

Ротный дворъ нашей 2-й егерской роты былъ въ мѣстечкѣ Рожанкахъ, въ имѣніи графа Пацца, Наполеоновскаго генерала. Я жилъ съ братомъ Петромъ, который командовалъ 1 егерскою ротою за отсутствіемъ капитана Болдырева.

Не забуду одного случая удивительной памяти моей лошади. Когда въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1821 года, какъ я уже сказалъ, гвардія стояла подъ Бѣшенковичами, л. гв. Преображенскій полкъ стоялъ отъ мѣсторасположенія нашего полка въ 15 верстахъ и надо было переправляться черезъ Нѣманъ. Мы стояли въ деревнѣ, которая была окружена лѣсомъ и отстояла отъ Нѣмана верстъ восемь. Въ одинъ день я отправился къ брату Александру, служившему въ л. гв. Преображенскомъ полку, обѣдать, не взявъ съ собою кучера. Пробывъ у него цѣлый день, поздно вечеромъ я возвращался домой, и такъ какъ ночь была темная, и шелъ дождь, то я взялъ у брата фонарь и такимъ образомъ доѣхалъ до переправы. Едва успѣлъ я перебраться на другой берегъ, фонарь погасъ—и я остался въ темнотѣ, не зная и не помня, куда ѣхать. Переѣзжать обратно и снова отправиться къ брату я не хотѣлъ, а потому рѣшился предаться на волю Божію: закутался въ мой клеенчатый плащъ и пустилъ лошадь на произволъ, замотавъ возжи. Долго ѣхалъ я, дремавъ лежа въ телѣгѣ, и все шагомъ, наконецъ лошадь моя остановилась. Я очнулся, вглядываюсь и увидѣлъ себя подлѣ хаты, которую занимали мы въ лѣсу; было уже около двухъ часовъ ночи.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1822 года, мы отправились въ походъ въ Минскъ для содержанія караула въ корпусной квартирѣ. Въ этомъ мѣсяцѣ, 27 числа, произведенъ я былъ въ офицеры.

Въ одинъ день былъ въ Вильно разводъ отъ Егерскаго полка. Когда генералъ Уваровъ пошелъ по фронту, то въ присутствіи его, великій князь Николай Павловичъ подошелъ къ одному солдату, чтобы его поправить. Увидѣвъ это, генералъ Уваровъ сказалъ: «Оставьте его, ваше высочество, ему и безъ того предстоитъ стоять въ карауле двадцать четыре часа».

21-го мая прибылъ въ Вильно императоръ Александръ Павловичъ. Послѣ высочайшаго смотра и маневровъ гвардейскіе полки отправились обратно въ Петербургъ.

Въ 1824 году, 7-го ноября, какъ извѣстно, было въ Петербургѣ наводненіе. Вода выступила изъ береговъ и затопила весь городъ, кромѣ Литейной части. По улицамъ ѣздили въ лодкахъ. Народу погибло множество. Къ вечеру, когда вода сбыла, я едва могъ пробраться на биржу, гдѣ жилъ дядя мой, Павелъ Николае-

вичъ Титовъ; онъ, былъ въ то время, управляющимъ таможнею. Вода подходила къ нимъ подъ окна, а они жили во 2-мъ этажѣ.

Во время этого наводненія, священникъ л. гв. Финляндскаго полка, В. Я. Сицилинскій, видя, что вода сильно прибываетъ, вспомнилъ, что близь его жила въ собственномъ деревянномъ домѣ полковница Борятинская. Въ страхѣ и безпокойствѣ, обратился онъ къ окружающимъ: «Спасите Борятинскую, она погибнетъ, ахъ, когда бы былъ челнокъ, я самъ поѣхалъ бы спасать ее».—«Лодка есть, батюшка», говорятъ ему.—«Я веселъ не вижу».—«И весла есть».—«Я гресть не умѣю».

Помню, одинъ разъ его высочество Николай Павловичъ дѣлалъ въ 1825 году развѳдъ на площади Сальнаго буяна; я былъ баталіоннымъ адъютантомъ и въ присутствіи его ровняя унтеръ-офицеровъ глядѣлъ въ лорнетъ. Великій князь замѣтилъ мнѣ, что онъ «этихъ фарсовъ не любитъ» (собственныя его слова).

Въ томъ же году марта 11-го назначенъ былъ командиромъ нашего полка генералъ-маіоръ Николай Ѳаддѣевичъ Воропановъ въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ.

Николай Ѳаддѣевичъ былъ роста не много болѣе средняго, лицо имѣлъ большое, безъ особеннаго выраженія; носилъ волосы на головѣ, зачесанные кверху. Характера былъ прекраснаго, доброты удивительной. Офицерамъ помогалъ при всякомъ случаѣ. Любилъ женщинъ и игралъ въ карты. При разговорѣ всегда прибавлялъ съ. Офицерамъ почти всѣмъ говорилъ, ты, прибавляя: «любезный-съ».

Въ помянутомъ году когда мы стояли въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, разъ во время полковаго ученья, командиръ 2-го баталіона полковникъ П. Я. Купреяновъ, замѣтивъ сдѣланную подпоручикомъ Бѣличемъ, командовавшимъ 6-мъ взводомъ, ошибку, подскакалъ къ фронту и обратившись къ взводному унтеръ-офицеру этого взвода, сказалъ: «унтеръ-офицеръ, (прибавя къ этому крѣпкое слово), когда офицеръ не знаетъ своего дѣла, то учи его». Такая дерзость не осталась не замѣченною и подпоручикъ Бѣличъ, по окончаніи ученья, требовалъ чтобы Купреяновъ передъ нимъ извинился, на что послѣдній не изъявилъ согласія. Исторія эта разнеслась по полку и въ тотъ же вечеръ, по пробитіи вечерней зори, все общество офицеровъ собралось передъ серединою полка на передней линейкѣ и послало баталіоннаго адъютанта подпоручика Печерина къ палаткѣ великаго князя Николая Павловича *), гдѣ находился полковой командиръ генералъ-маіоръ Воропановъ, сказать ему, что общество офицеровъ желаетъ съ нимъ говорить. Дорогою Печеринъ объяснилъ генералу причину этого желанія. Полковой командиръ подойдя къ офицерамъ, сказалъ имъ: «Господа, я въ первый разъ имѣю честь видѣть васъ въ сборѣ и ежели вы имѣете надобность что нибудь мнѣ передать, то прошу это сдѣлать черезъ господъ баталіонныхъ командировъ, а между тѣмъ прошу васъ разойтись». Тогда баталіонные командиры собрались въ палатку къ генералу, а такъ какъ полковникъ Купреяновъ не пошелъ, то его замѣнилъ полковникъ Миллеръ. Когда генералу Воропанову была объяснена претензія общества офицеровъ, которое въ лицѣ подпоручика Бѣлича считало себя обиженнымъ, генералъ послалъ просить къ себѣ Купреянова и Бѣлича. Воропановъ сказалъ Купреянову, что еслибъ онъ сдѣлалъ подобный поступокъ, то не отказался бы дать подпоручику Бѣличу сатисфакцію или просить у него извиненія, а потому предложилъ ему исполнить то или другое. Купреяновъ согласился на послѣднее, но какъ было уже довольно поздно, то извиненіе это было отложено до окончанія развода слѣдующаго дня. На другой день, послѣ развода, офицеры вновь собрались передъ серединою лагеря па передней линейкѣ, ожидая Купреянова, обѣщавшаго, въ присутствіи всѣхъ, извиниться передъ Бѣличемъ. Ожиданія не сбылись и Купреяновъ отказался извиниться. Тогда командиръ 1-го баталіона полковникъ Тулубьевъ отправился въ палатку Купреянова съ требованіемъ отъ него сатисфакціи, потому что наканунѣ, будучи посредникомъ между нимъ и

*) Палатка его высочества стояла между л. гв. Егерскимъ и Финляндскимъ полками.

обществомъ офицеровъ, онъ успокоилъ послѣднихъ, сказавъ, что Купреяновъ согласенъ на принесеніе извиненія, но какъ въ настоящую минуту, онъ отъ этого отказывается, то для оправданія себя въ глазахъ общества требуетъ отъ него, или дать ему удовлетвореніе или извиниться передъ нимъ, при всѣхъ офицерахъ, въ томъ, что онъ выставилъ его какъ бы обманщикомъ, увѣривъ общество гг. офицеровъ, что онъ, полковникъ Купреяновъ, согласился на извиненіе. Видя столь критическое положеніе, Купреяновъ счелъ уже за нужное покончить дѣло и просилъ только, чтобы вмѣсто всего общества, пригласить въ его палатку вмѣстѣ съ подпоручикомъ Бѣличемъ однихъ лишь баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, на что послѣдовало общее согласіе. Полковникъ Купреяновъ извинился на предложенныхъ ему условіяхъ, т. е. извинился первоначально передъ полковникомъ Тулубьевымъ, а потомъ передъ Бѣличемъ и тѣмъ прекратилась исторія. Но она не могла не дойти до свѣдѣнія великаго князя, который узналъ всѣ ея подробности и въ субботу на той же недѣлѣ, когда поднесены были его высочеству, для подписи, билеты гг. офицерамъ, желающимъ ѣхать въ Петербургъ, то билеты л. гв. Финляндскаго полка были возвращены въ канцелярію не подписанными, билетъ же Бѣлича былъ даже надорванъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ было назначено его высочествомъ дивизіонное ученье, на кое былъ приглашенъ великимъ княземъ начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ. Подъѣзжая къ нашему полку, его высочество обратился къ барону Дибичу съ слѣдующими словами: «Il y a une histoire dans ce régiment, mais je les arrangerai à ma maniere». (Въ этомъ полку случилась исторія; но я ихъ отдѣлаю по своему). Дѣйствительно, когда началось егерское ученье, Николай Павловичъ жестоко распекъ всѣхъ. Гнѣвъ его на насъ продолжался долго.

Н. Ѳ. Воропановъ во все время командованія полкомъ, своимъ откровеннымъ и дружескимъ обращеніемъ съ офицерами, заслужилъ всеобщую любовь. Къ сожалѣнію, на возвратномъ пути изъ Турецкой кампаніи, въ 1829 году, 12-го декабря, онъ скончался отъ рака въ груди. Общество офицеровъ, изъ уваженія къ памяти столь достойнаго начальника, воздвигнуло надъ могилою его памятникъ. Никогда не забуду, какъ хохотали мы, когда Н. Ѳ. идя по фронту роты брата моего Петра, остановился передъ однимъ солдатомъ и, обратясь къ брату, сказалъ: «Посмотрите-съ какъ этотъ солдатъ стоитъ-съ, это точно какъ пастухъ, котораго пригрѣло солнцемъ-съ и онъ смотритъ коровѣ въ хвостъ-съ, а этого служба не терпитъ-съ». Въ другой разъ, проходя по фронту той же роты, Н. Ѳ. замѣтилъ, что одинъ рядовой оскалилъ зубы. Воропановъ обратился къ брату моему съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Этотъ солдатъ глупъ-съ, онъ зубы скалитъ съ, я знать не хочу чѣмъ онъ ихъ чиститъ-съ». Великому князю Михаилу Павловичу не понравилась физіономія фельдфебеля роты коею командовалъ дядя мой Петръ Алексѣевичъ Титовъ и его высочество приказалъ этого фельдфебеля смѣнить. Дядюшка сожалѣя о семъ старшемъ унтеръ-офицерѣ, очень расторопномъ маломъ, явился къ генералу Воропанову и сказалъ ему: «Николай Ѳаддѣевичъ, фельдфебель мой очень хорошо знаетъ свое дѣло и вообще отличный служака, за что же его смѣнять, гдѣ же тутъ справедливость?» На это Воропановъ отвѣтилъ ему слѣдующее: «Любезный съ, справедливости нѣтъ и быть не можетъ-съ, его высочеству такъ угодно, оно такъ и должно быть-съ». И фельдфебеля замѣнили болѣе взрачнымъ. На репетиціи развода Воропановъ слушалъ когда музыканты играли австрійскій сборъ и вдругъ подошелъ ко мнѣ: «Извольте наказать этого музыканта съ, онъ лѣнтяй съ». — «За что, ваше превосходительство?» — «Я замѣтилъ что онъ рѣдко приставляетъ свой инструментъ къ губамъ-съ». — «Да это такъ слѣдуетъ по правиламъ генералъ-баса». — «Какой генералъ-басъ? Я здѣсь генералъ-съ».

. . . . . .

. . . . . .

19-го ноября скончался въ Таганрогѣ государь Александръ Павловичъ; 14-го декабря мы

Н. А. ТИТОВЪ.

Съ фотографіи Бергамаско, рис. на камнѣ Д. Труновъ.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ, Т. III, 1878.

Дозволено цензурою. Спб. 28 Ноября 1878. Хромолитографія В. И. Грацiанскаго, Невскій пр., № 46.

присягнули императору Николаю Павловичу. Въ этотъ день было извѣстное происшествіе на Петровской площади. Не мнѣ описывать это происшествіе, но я скажу только о томъ, что касается меня. Въ этотъ день я былъ наряженъ для приноса и относа знаменъ, которыя принесены были въ полкъ для присяги; одно знамя осталось во 2-мъ баталіонѣ, который въ этотъ день вступилъ въ караулъ по 1-му отдѣленію, а знамя 1-го баталіона я отнесъ обратно въ Мраморный дворецъ. Возвращаясь оттуда пѣшкомъ, на дворцовой площади узналъ я о происходившемъ возмущеніи, и командиръ нашего полка генералъ Воропановъ оставилъ меня при себѣ. Съ Петровской площади, государь послалъ меня съ повелѣніемъ 1-му баталіону нашему выступить изъ казармъ и прибыть на Петровскую площадь. Когда я возвратился на оную и когда государь по убѣдительной просьбѣ окружавшихъ его, приказалъ стрѣлять картечью по бунтовщикамъ, собравшимся въ кучѣ около сената подлѣ караула, я вскорѣ послѣ того отправился на главную гауптвахту, гдѣ оставался весь день. Вечеромъ когда войско расположено было бивуакомъ вокругъ Зимняго дворца на Адмиралтейской и Петровской площадяхъ, я вышелъ въ главныя ворота помянутаго дворца; тутъ государь императоръ, возвращавшійся во дворецъ, изволилъ меня спросить, что я дѣлаю? и на отвѣтъ мой, что я свободенъ, приказалъ мнѣ идти на главную гауптвахту и быть за дежурнаго адъютанта при главномъ караулѣ. Въ этотъ вечеръ начали приводить преступниковъ; перваго доставили л. гв. Московскаго полка штабсъ-капитана князя Щепина-Ростовскаго, а за нимъ л. гв. Гренадерскаго полка штабсъ-капитана Сутгофа, послѣ того и прочихъ, какъ то: князя Трубецкаго, Рылѣева, Якубовича и многихъ другихъ. Всѣхъ ихъ водили къ государю, а послѣ отправляли при запискахъ, писанныхъ моею рукою и за подписью коменданта Башуцкаго въ Петропавловскую крѣпость Номера же казематовъ, въ кои они назначались были проставляемы самимъ государемъ.

Первое время при вступленіи на престолъ императора Николая Павловича въ городѣ ходило много толковъ о покушеніи на жизнь его и существованіи многихъ заговоровъ, такъ какъ происшествіе 14-го декабря было свѣжо въ памяти у всѣхъ. Въ одинъ день, когда я возвратился отъ развода домой, сестря моя Анна Алексѣевна вошла ко мнѣ въ комнату и сказала, что у насъ былъ іеромонахъ, отецъ Евѳимій, который оставилъ ей письмо на имя государя, прося ее, чтобы я непремѣнно письмо это доставилъ, потому что оно весьма важнаго содержанія и касается жизни государя. Порученіе это было для меня весьма непріятно, и я замѣтилъ сестрѣ моей, что она напрасно приняла это письмо. «Гдѣ же оно»? спросилъ я. Она принесла мнѣ его; я вижу, что оно не запечатано; адресъ на немъ: «отдать въ собственныя руки государю императору».—Что мнѣ было дѣлать?—не отдать письма я боялся, потому что въ случаѣ чего либо, не доставивъ письма, я могъ подвергнуться какой либо отвѣтственности и притомъ долгъ присяги обязывалъ меня его вручить. Подумавъ, я отправился тотчасъ же съ этимъ письмомъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Когда я пріѣхалъ во дворецъ, меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ полковникъ Вишняковъ и спросилъ что мнѣ нужно? Я сказалъ ему, что имѣю надобность видѣть его высочество по весьма важному дѣлу и просилъ доложить обо мнѣ. Великій князь тотчасъ же вышелъ и весьма строго спросилъ меня: «Что ваше начальство знаетъ, что вы ко мнѣ пріѣхали»?—«Никакъ нѣтъ, ваше высочество»—отвѣчалъ я.—«Что же за причина, побудившая васъ ко мнѣ явиться»?—Я разсказалъ великому князю въ чемъ дѣло и онъ спросилъ меня: «А вы знаете этого монаха? давно ли, и увѣрены ли вы въ немъ»? Я сказалъ, что монахъ этотъ старый знакомый нашего семейства, что онъ примѣрнаго житія и нравственности и что иначе я бы не рѣшился передать его письмо. «Гдѣ же это письмо»? Я подалъ его; великій князь прочелъ адресъ, обернулъ его и спросилъ: «Оно не запечатано. Вы читали его»?—«Никакъ нѣтъ ваше высочество: я не считалъ себя въ правѣ его прочесть».—«Точно не читали»? «Даю вамъ честное слово

что не читалъ». Тогда, измѣнивъ суровый взглядъ, великій князь сказалъ мнѣ: «Спасибо, что ты ко мнѣ его привезъ»,—и отпустилъ меня домой.—На другое утро мы послали на Тверское подворье, гдѣ останавливался отецъ Евѳимій, чтобы увѣдомить его, что письмо отдано, но намъ прислали сказать, что въ ту же ночь отца Евѳимія увезли изъ столицы съ жандармомъ неизвѣстно куда. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ находился въ Кіевѣ, откуда писалъ къ моимъ сестрамъ.

Въ 1826 году былъ я назначенъ за полковаго адъютанта съ 1-мъ баталіономъ на коронацію въ Москву. Во время пребыванія моего въ оной я подносилъ государю императору марши, государынѣ императрицѣ вальсы и всегда удостоивался ихъ благосклоннаго вниманія.

Походъ въ Москву на коронацію былъ для насъ прогулкою. Вступленіе гвардейскихъ баталіоновъ въ древнюю столицу было всякій разъ весьма блистательно. Множество дамъ въ экипажахъ и толпы народа встрѣчали насъ. Баламъ, танцовальнымъ вечерамъ и обѣдамъ не было конца, я едва успѣвалъ быть вездѣ, и на службѣ, и въ обществѣ. Аристократія танцовала три раза въ недѣлю у посланниковъ: французскихъ—герцога Рагузскаго, по средамъ, графа де ла Ферроне по воскресеньямъ, и у англійскаго, герцога Девонширскаго по пятницамъ. Испанскій посланникъ Бриньо ле-Саль давалъ тоже балы. Кромѣ того, были почти всякій день балы и у жителей Москвы, а случалось и по два бала въ одинъ вечеръ. Наши русскіе вельможи давали также балы, стараясь роскошью и великолѣніемъ превзойдти другъ друга.

Князь А. А. Суворовъ, съ которымъ я познакомился у Синявина еще въ 1825 году, былъ въ то время тоже въ Москвѣ на коронаціи и жилъ въ домѣ Варгина на Якиманкѣ. Съ нимъ сдружился я съ перваго дня знакомства нашего, когда онъ былъ еще юнкеромъ въ конной гвардіи, и могу сказать, что онъ одинъ изъ тѣхъ, котораго ничто неизмѣнило. Теперь князь уже генералъ-адъютантъ, но все тотъ же товарищъ и другъ, каковымъ былъ съ перваго дня знакомства нашего. Я сказалъ, что онъ жилъ у Варгина и хозяинъ его предложилъ ему не только прекрасный домъ, но даже и столъ и прислугу. И мнѣ случалось отлично обѣдать у Суворова.

Еще празднества не всѣ кончились, какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы отправились обратно въ Петербургъ, и мнѣ не удалось видѣть знаменитаго фейерверка, который былъ сожженъ въ Москвѣ по случаю коронаціи.

Въ Москвѣ, по приказанію великаго князя Михаила Павловича, я написалъ для него маршъ. Когда я привезъ музыку, его высочество весьма милостиво принялъ меня въ кабинетѣ, стоя съ сигарою у камина, и, поблагодаривъ за трудъ, спросилъ, не желаю ли я чего и не можетъ ли онъ что нибудь для меня сдѣлать?—«Очень много ваше высочество»,—отвѣчалъ я.—«Что же именно»?—«Позвольте мнѣ подать въ отставку»?—«Это по какой причинѣ»! Тогда я высказалъ великому князю мою претензію, что считаю себя обиженнымъ тѣмъ, что не получилъ креста, тогда какъ полковые адъютанты при первыхъ баталіонахъ первой гвардейской дивизіи получили кресты. Случай этотъ меня чрезвычайно оскорбилъ, тѣмъ болѣе, что я былъ поручикомъ и старше въ чинѣ нѣкоторыхъ изъ полковыхъ адъютантовъ.—Его высочество былъ чрезвычайно милостивъ и, выслушавъ меня, сказалъ, что они полковые адъютанты старшихъ полковъ, а я баталіонный адъютантъ и что награждены собственно полковые адъютанты, до баталіонныхъ же эти награды не относятся и закончилъ словами: «Ну хорошо, подавай въ отставку. Ты знаешь, что просьба твоя дойдетъ до меня, а отъ меня знаешь куда она отправится? вотъ въ этотъ каминъ»—и, обернувшись къ оному, онъ указалъ на него рукою. «Ну теперь ступай и подавай въ отставку».—Нужно сказать правду, что поступокъ мой былъ не обдуманъ, даже дерзокъ, и надо было быть столь счастливу какъ я, чтобы не подвергнуться гнѣву его высочества. Вотъ образецъ, до какой степени былъ милостивъ и добръ великій князь. Послѣдствія же обидчивости моей были для меня весьма благопріятны, потому

что черезъ два дня я получилъ въ награду не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья.

Вотъ еще примѣръ доброты великаго князя Михаила Павловича. Въ 1827 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, скончалась мать моя, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года мой отецъ Дѣла наши были разстроены, долговъ было довольно много, надо было ихъ уплатить и устроить имѣнія, совершить между нами раздѣлъ, однимъ словомъ, необходимость встрѣтилась, чтобы старшій братъ нашъ, Александръ, вышелъ въ отставку, дабы заняться устройствомъ дѣлъ. Онъ служилъ тогда полковникомъ въ л. гв. Измайловскомъ полку. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, братъ мой подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы; вмѣстѣ съ нимъ подалъ въ отставку и я. Наканунѣ, 28 января 1828 года, мы съ братомъ получили приказаніе явиться поутру къ великому князю Михаилу Павловичу во дворецъ. День этотъ былъ днемъ рожденія его высочества, а потому съѣздъ во дворцѣ былъ огромный. Въ ожиданіи выхода великаго князя, мы стояли съ братомъ между собравшимися генералами, штабъ и оберъ-офицерами. Вдругъ растворились двери изъ кабинета великаго князя и камердинеръ его, Струбинскій, сказалъ: «Господа Титовы, пожалуйте къ его высочеству». Мы вошли, поклонились великому князю и поздравили его съ днемъ рожденія. Поблагодаривъ насъ, его высочество обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «Государь императоръ, получивъ прошенія ваши объ увольненіи васъ отъ службы, изволилъ поручить мнѣ сказать вамъ, что, зная васъ обоихъ лично какъ отличныхъ офицеровъ, его величеству угодно сохранить васъ на службѣ, а потому, передавая вамъ волю государя, я и самъ желалъ бы, чтобы вы продолжали службу въ гвардіи» и, обратившись къ моему брату, спросилъ его, какая причина побуждаетъ его выйдти въ отставку? Тогда братъ мой подробно объяснилъ великому князю семейныя обстоятельства, по коимъ онъ необходимо долженъ оставить военную службу. Его высочество, милостиво выслушавъ брата, нашелъ, что изложенныя имъ причины заслуживаютъ уваженія и согласился на увольненіе брата, предложивъ ему свое покровительство и ходатайство объ немъ, если онъ пожелаетъ перейдти въ гражданскую службу, прослезился, обнялъ его, поцѣловалъ и благодарилъ за всегда отличную и ревностную службу. Какъ братъ, такъ и я, глубоко были тронуты милостивымъ вниманіемъ великаго князя. Потомъ, обратясь ко мнѣ спросилъ: «А ты почему выходишь въ отставку»?—«Я также по домашнимъ обстоятельствамъ ваше высочество, ибо я много долженъ».—«Такъпо этой причинѣ ты оставляешь службу»?—«Точно такъ ваше высочество».—«Ну этому горю можно пособить». Потомъ я сказалъ, что лестный отзывъ, сдѣланный о насъ государемъ императоромъ и изъявленное его высочествомъ желаніе, чтобы который-либо изъ насъ остался на службѣ, побуждаютъ меня продолжать службу. Тогда великій князь поцѣловалъ меня три раза, сказалъ спасибо и отпустилъ насъ съ братомъ. Черезъ нѣсколько времени генералъ Б. передалъ мнѣ конвертъ, въ коемъ заключалась тысяча руб. ассигн.; эту милость оказалъ мнѣ его высочество. Благоговѣю передъ его памятью и до конца дней моихъ сохраню о немъ самое благодарное воспоминаніе.

. . . . . .

. . . . . .

Лѣтомъ, въ 1827 году, я былъ боленъ и жилъ въ Парголовѣ. Меня навѣщалъ по временамъ штабъ-лѣкарь л. гв. Финляндскаго полка Нагумовичъ. Онъ страстно любилъ говорить по французски и толковать о политикѣ. Пріѣдетъ бывало ко мнѣ, начнетъ разспрашивать о болѣзни и, не дождавшись отвѣта, обращается тотчасъ съ фразою: «Парлонъ де политикъ»? Это было именно въ 1827 году, когда стали носиться слухи о войнѣ съ Турціею. За симъ слѣдовалъ всегдашній вопросъ: «Эс-ке ну з'оронъ ля герръ авекъ ля Тюрки». Когда онъ былъ уже корпуснымъ штабъ-докторомъ, то пріѣхалъ съ визитомъ къ больному адъютанту Катенину, который спросилъ его: «Docteur, dites moi je vous prie ce que je puis manger»?—«Ву манжере

унъ супъ, санъ пенъ, санъ гренъ, санъ віандъ, санъ ріенъ, эле піе д'унъ желиноть жуско жену». Пишу русскими буквами, потому что онъ такъ произносилъ: (Vous mangerez une soupe, sans pain, sans grains, sans viande, sans rien, et le pied d'une gélinotte jusqu au genou). Входилъ Нагумовичъ въ комнату обыкновенно держась на бокъ и размахивая распущеннымъ въ правой рукѣ фуляровымъ платкомъ. Познанія его въ медицинѣ были таковы, что если какой либо другой докторъ былъ плохъ, то говорили въ то время, что онъ изъ породы Нагумовичей.

Впрочемъ и между военно-начальствовавшими тогда лицами было очень мало лицъ, хорошо владѣвшихъ французскимъ языкомъ, а нѣкоторые и совсѣмъ на немъ не могли изъясняться: такъ, при представленіи генераловъ и полковыхъ командировъ принцу Прусскому, нынѣшнему королю, пріѣхавшему въ Петербургъ, принцъ обратился къ одному изъ послѣднихъ съ вопросомъ: Etes-vous marié, mon général»? — «Энъ пэ (un peu) вотръ Альтессъ», отвѣчалъ онъ. Подойдя къ другому полковому командиру, принцъ спросилъ его: «Vous commandez le regiment de N, mon général»?—«Весь полкъ въ караулѣ», отвѣчалъ командиръ полка. А вотъ еще примѣръ: «Comment vous plait Pawlowsk»— спросила императрица Марія Ѳедоровна графа Милорадовича, бывшаго у нея въ гостяхъ.— «C'est tres pythagore (pittoresque) Votre Majesté», — отвѣчалъ онъ. Когда показывали въ Петербургѣ какую то панораму, Милорадовичъ спросилъ у графини Ольги Потоцкой: «Ayez vous été voir le pamenorame? c'est un tres grand curiosité».

Въ 1828 году гвардія выступила въ Турецкую кампанію, а я остался за полковаго адъютанта при оставшемся 3-мъ баталіонѣ Финляндскаго полка.

Братъ мой Петръ перешелъ на службу изъ названнаго полка въ Измайловскій и въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1828 года былъ раненъ въ колѣно правой ноги, пулею на вылетъ, въ то время, когда онъ вошелъ первымъ на валъ при взятіи штурмомъ крѣпости Варны, впереди охотниковъ двухъ ротъ помянутаго полка. Извѣстіе это сообщилъ мнѣ изъ лагеря при Варнѣ старый однокашникъ и товарищъ, о которомъ я уже упомянулъ—Иванъ Сенявинъ, бывшій въ то время адъютантомъ гр. Воронцова. Сенявинъ впослѣдствіи былъ губернаторомъ въ Москвѣ и наконецъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Кончилъ жизнь весьма несчастливо. Онъ зарѣзался. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство. Въ Царскомъ Селѣ существовала обойная фабрика, директоромъ коей былъ французъ Броше. Царскосельская обойная фабрика состояла въ вѣдомствѣ кабинета, членомъ коего былъ, до назначенія своего губернаторомъ, Сенявинъ. Будучи членомъ, онъ занималъ у Броше деньги подъ заемныя письма. По смерти сего послѣдняго наслѣдники подали заемныя письма ко взысканію. Дѣло это доходило до государя Николая Павловича, который приказалъ узнать, въ какое время Сенявинъ занималъ у Броше деньги. Оказалось, что въ то время, когда Сенявинъ былъ членомъ кабинета. Государь приказалъ ему деньги не медля уплатить, назначивъ трехдневный срокъ, а какъ Сенявинъ не могъ денегъ представить къ сроку, и, зная, что ему предстояло быть подвергнуту суду, онъ и зарѣзался—но не совершенно, ибо ему успѣли зашить горло; онъ рванулся послѣ операціи такъ сильно, что оборвалъ всѣ зашивки, вслѣдствіе чего и умеръ. — Его однако хоронили не какъ самоубійцу.

. . . . . .

. . . . . .

Въ 1830 году открылась Польская кампанія, и гвардія ушла въ походъ. Братъ мой Петръ былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ. Я же въ октябрѣ этого года оставилъ по болѣзни военную службу и въ декабрѣ опредѣлился по статскимъ дѣламъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли.

Директоромъ помянутаго департамента былъ тогда Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ; не говоря уже о его гордости и надменности, въ

этомъ человѣкѣ не было никакого чувства, а какая-то убійственная холодность и равнодушіе. Онъ доказалъ жестокость своего сердца, будучи генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ.

Не долго служилъ я въ гражданской службѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1831 года вышелъ я въ отставку.

Въ этомъ году въ Петербургѣ появилась холера. Эта нежданная гостья вселила страхъ и уныніе во всѣхъ. Всюду, куда не оглянешься, только и видишь похороны. Кого ни встрѣтишь, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, всѣ въ траурѣ. Изъ больницъ столицы покойниковъ вывозили возами; на кладбищахъ вырывали общія ямы, на днѣ коихъ часто была вода, въ нихъ вываливали изъ гробовъ тѣла и затѣмъ съ опорожненными гробами возвращались въ больницы для нагрузки тѣхъ же гробовъ новыми трупами, которыхъ хоронили также какъ и первыхъ, а между тѣмъ на каждаго покойника выводили въ расходъ по гробу.

. . . . . .

. . . . . .

Въ 1833 году, идя по Англійской набережной, я встрѣтилъ государя Николая Павловича, прогуливавшагося съ императрицею. Государь милостиво спросилъ меня, поправился ли я въ своемъ здоровьѣ и не желаю ли вновь вступить въ военную службу. На отвѣтъ мой, что здоровье мое хорошо и что я готовъ служить его величеству, государь сказалъ мнѣ: «Очень радъ, милости просимъ».

Поступилъ я 21-го мая 1833 года на службу въ л. гв. Уланскій его высочества великаго князя Михаила Павловича полкъ полковымъ адъютантомъ; пригласилъ же меня поступить въ этотъ полкъ командиръ полка генералъ-маіоръ Иванъ Васильевичъ Марковъ.

Когда надѣлъ я въ первый разъ мундиръ, то поѣхалъ вечеромъ на Елагинъ островъ гулять и встрѣтилъ государя императора, который сначала меня не узналъ, но всмотрѣвшись, сказалъ мнѣ: «Ба! я тебя не узналъ; разсчитался ли ты съ своимъ здоровьемъ, что пошелъ служить въ кавалерію? вѣдь у тебя грудь слаба»? — А я дѣйствительно по болѣзни выходилъ въ отставку.

Служба въ Уланскомъ полку была для меня самая пріятная. Полковой командиръ любилъ меня какъ брата, офицеры также полюбили и съ нѣкоторыми изъ нихъ я сблизился весьма дружески, а именно: съ Вейсомъ, который сблизилъ меня съ родною сестрою своею княгинею Софіею Андреевною Трубецкою, съ которою я и прежде былъ знакомъ чрезъ графа Строгонова; съ барономъ Розеномъ и Курселемъ, командовавшимъ въ чинѣ полковника помянутымъ полкомъ въ 1851 году, и съ старшимъ адъютантомъ нашей дивизіи ротмистромъ Зоммеромъ и др. Занятій по полку было у меня довольно; между прочимъ всякій день я занимался въ школѣ съ трубачами, которые дѣйствительно были отличные; по вечерамъ трубачи приходили въ квартиру полковаго командира, гдѣ исполняли различныя музыкальныя піесы въ полъ трубы; и исполненіе было превосходное.

Но не долго судьба благопріятствовала мнѣ. На маневрахъ подъ Гатчино я опрокинулся вмѣстѣ съ лошадью и вслѣдствіе этого ушиба пролежалъ до января мѣсяца 1834 г. Въ февралѣ я прибылъ въ полкъ, который имѣлъ постоянные квартиры во 2-мъ округѣ пахатныхъ солдатъ Новгородской губерніи, но увы! на лошадь сѣсть уже не могъ, мускулы въ правой ногѣ были повреждены, такъ что полковой командиръ мой Иванъ Васильевичъ Марковъ, видя невозможность для меня продолжать службу во фронтѣ, лично ходатайствовалъ за меня у великаго князя Михаила Павловича о назначеніи меня въ другой родъ службы. Какъ теперь помню, что его высочество въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 года пріѣхалъ въ поселеніе смотрѣть нашъ полкъ въ конномъ и пѣшемъ строю и, увидѣвъ меня при представленіи его высочеству полковаго рапорта, не узналъ, такъ сильно измѣнишимся нашелъ онъ меня вслѣдствіе ушиба. Когда кончился смотръ, коимъ его высочество былъ совершенно доволенъ, великій князь обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «А что ты намѣренъ теперь дѣлать»? Тогда И. В. Мар-

ковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ Матвѣевъ, стали просить обо мнѣ, чтобы его высочество не отказалъ мнѣ въ покровительствѣ—опредѣленіемъ меня на другой родъ службы, прибавивъ къ тому, что какъ имъ ни жаль разставаться со мною, тѣмъ болѣе, что я былъ самый исправный полковой адъютантъ и много способствовалъ къ усовершенствованію полка въ пѣхотномъ строю, но что я уже не могу болѣе сѣсть на лошадь, вслѣдствіе паденія Тогда великій князь подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не хочу ли я служить по статской службѣ? Я отвѣчалъ, что желалъ бы сохранить военный мундиръ и прошу его высочество объ опредѣленіи меня состоять по особымъ порученіямъ при шефѣ жандармовъ графѣ Бенкендорфѣ. «Ступай въ Петербургъ, лѣчись, здѣсь тебѣ дѣлать нечего, а я буду о тебѣ просить». По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я немедленно явился къ его высочеству, который объявилъ мнѣ, что онъ уже говорилъ обо мнѣ съ графомъ Бенкендорфомъ, который просилъ меня къ нему прислать. Я поѣхалъ къ графу, который мнѣ сказалъ, что принять меня для особыхъ порученій не можетъ, за неимѣніемъ вакансій, о чемъ уже и написалъ его высочеству, прося его уговорить меня вступить въ корпусъ жандармовъ. Я опять былъ болѣнъ, когда великій князь прислалъ мнѣ это письмо въ оригиналѣ съ надписью своею рукою спросить меня, не пожелаю ли я вступить въ этотъ корпусъ. На рѣшительный отказъ мой надѣть синій мундиръ его высочество поручилъ мнѣ сказать, что куда бы я ни пожелалъ опредѣлиться, онъ вездѣ готовъ обо мнѣ ходатайствовать; вслѣдствіе чего и былъ я назначенъ въ апрѣлѣ 1834 года состоять при Коммиссаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства для особыхъ порученій съ переименованіемъ въ маіоры.

Военнымъ министромъ въ то время былъ князь Чернышевъ, вельможа въ полномъ смыслѣ этого слова. Личность чрезвычайно представительная, внушающая почтеніе. Когда онъ выходилъ изъ кабинета государя послѣ доклада, всѣ другія высокопоставленныя лица, нѣкоторыя изъ нихъ старше его лѣтами и чиномъ, вставали. На одномъ изъ торжественныхъ выходовъ во дворцѣ князь Чернышевъ, проходя по Александровской залѣ, встрѣтилъ каммергера Анатолія Демидова и протянулъ ему руку. Демидовъ же подалъ свою руку въ перчаткѣ. На это Чернышевъ сказалъ ему: «L'Empereur sera très mécontent si vous lui présentez la main gantée»!

По опредѣленіи моемъ въ Коммиссаріатскій департаментъ я поѣхалъ въ 1834 году въ отпускъ въ Тамбовскую губернію, въ имѣніе моихъ родственниковъ.

. . . . . .

Н. Титовъ.